

А.П. Карфидова

**80 лет
на Тумане**

(Воспоминания спецпереселенца)

2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
80 лет на Тумане	7
1. Детство на хуторе	9
2. Выселение в Конду	11
3. На берег Тумана.....	17
4. И назвали наш поселок – Лиственничный	21
5. Колхоз «Красная поляна»	27
6. А еще был 1937 год	35
7. Мой отец – председатель колхоза	37
8. Школа	43
9. Нахрачи.....	47
10. Война	49
11. Его величество – Труд.....	55
12. Прощай, школа.....	59
13. Ленинградцы	61
14. Снова детский дом.....	67
15. Как Павка Корчагин меня от смерти спас	73
16. Запевай!	75
17. Своя семья	77
18. Сыновья	81
19. Опорный	85
20. Трудовое воспитание.....	90
21. Сережа	95
22. Витя.....	97
23. Коля.....	99
24. Юрий Петрович	103
25. Эпилог.....	107
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	109
Как ты выжил, солдат?	111
Как на Руси жить старикам?	115
Доходная статья	118
Наши Смирновы	120
Было и нам восемнадцать и двадцать	122
Олесе 25.....	122
Или качаясь в тесных вагонах	122

Ребята уходят на фронт.....	123
Письмо на фронт.....	123
В Токловане	124
Розе Сабитовой	124
Зое Калининой	125
Апрельский вечер	126
ИСТОРИИ ИЗ ИСТОРИИ (<i>В.Карфидов</i>)	127
1. История с демографией.....	129
2. История с реабилитацией.....	132
3. История с географией.....	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны воспоминания нашей мамы, Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой), которые она записывала в разное время и по разным причинам. Что-то было написано по заказу редакции районной или окружной газеты, что-то легло на бумагу, всколыхнутое в памяти после настойчивых расспросов сыновей, что-то вспомнилось самой по тому или иному поводу, и не захотелось, чтобы оно снова забылось за повседневными хлопотами.

Слушая и читая мамины воспоминания, мы, ее сыновья, поражались, какие испытания легли на плечи наших родителей, их поколения. То, что стало известно после разоблачения культа личности и, особенно, после наступления гласности, выглядело в свете маминых воспоминаний уже не абстрактным перечислением ужасов и жертв, а наяву представало перед глазами. Достаточно было оглянуться вокруг и осознать, что вот этот дом, в котором мы живем, и есть тот самый первый дом на самой первой улице поселка Лиственничный, построенный руками самых первых «спецпереселенцев» в далеком 1931 году, и что маме, нашей маме, было всего пять лет, когда её признали «социально опасной» и вывезли зимой, в холода, в глухую тайгу. Власть рабочих и крестьян, победившая всех врагов в гражданской войне, испугалась пятилетней девочки и отправила её сюда, на берег озера Туман, где она прожила всю свою жизнь, полную нелегкого труда.

Мы не хотим, чтобы это забылось. Мы бесконечно благодарны нашей маме, нашим родителям, нашей бабушке и дедушке за то, что они всё это вынесли и выдержали. Поэтому мы хотим, чтобы мамина память, запечатленная в написанных её рукой рассказах, сохранилась для наших детей и внуков.

*Карфидовы
Сергей, Виктор, Николай*

80 лет на Тумане

(Воспоминания спецпереселенца)

Вот и вспоминается все то, что сумела впитать моя память с тех пор, как я стала осознавать все происходящее вокруг меня. Кроме того, остались в памяти моей рассказы и разговоры взрослых о том, что и почему так все происходит.

1. Детство на хуторе

Я родилась 26 ноября 1924 года в Ирбитском округе Свердловской¹ области на хуторе Лукиново.

Этот хутор построил мой дедушка Михаил Антонович Черепанов, получив примерно в 1916-м году надел земли по Столыпинскому указу, – не знаю, сколько десятин. Семья Черепановых была тогда шесть человек: мой прадед Антон Михайлович, дед Михаил Антонович, бабушка Лукерья Степановна (Лукея, как её все звали), её мать, двое родных детей: Павел (мой отец, которому было тогда 11 лет), Анна и приемный сын Василий.

Быстро был построен двухэтажный дом. Рядом поставили небольшой дом для бабушкиной сестры, которая жила с сыном Семеном, снохой Марией и внуком. Это поместье – хутор, как его называли, – сразу стали обустраивать. Поставили надворные постройки: конюшню, сарай, баню, избушку, внутри которой был колодец. Хозяйство вели вместе, так как Семён был молод, неопытен в хозяйственных делах.

На всю семью держали пять коров, три лошади. Были две собаки, свиньи, овцы, куры. За продуктами в магазин не ходили, но и трудиться приходилось по-настоящему.

Дед был человеком хозяйственным, он вместе с соседями организовал закупку сельскохозяйственных машин. Со слов взрослых я знаю, что была жнейка, косилка, молотилка, сепаратор. Молотили сначала в одном хозяйстве, затем в другом... Я помню, что во время страды – уборки урожая, молотьбы, – у нас было много народу, устраивали, как называли тогда, «помочь». И наши взрослые уходили куда-то на помочь тоже.

На хуторе семья жила почти натуральным хозяйством. Выращенное зерно везли продавать на рынок. Знаменит был тогда Ирбитский рынок.

Я помню себя с 4-5 лет. Помню, что лошадей звали Венгерка, Пегуха, Первенец (или Перминец – вот это не помню!), собак – Того и Соболько. Помню, что возле дома проходила дорога, которую взрослые называли «тракт». Мы, дети и взрослые,

¹ Свердловская область образована в 1934 году. До этого Ирбитский округ входил в Уральскую область, а до 1924 года это был Ирбитский уезд Пермской губернии. (Здесь и далее примечания Карфидова В.Ю.)

несколько раз с интересом смотрели из окна на проходившие по этой дороге трактора. Трактора тогда были в диковинку.

Я в пять лет уже читала. Дедушка заинтересовался моими способностями и стал учить меня писать. Для этого он привозил из Ирбита, когда ездил туда по своим делам, большие листы чистой бумаги, разрезал их, показывал мне, как их надо сшивать. Затем разлиновывал и учил писать буквы и слова. В марте 1930 года, когда нас согнали в Конду, я уже сама писала письма на родину, бабушке Анне.

**Михаил Антонович Черепанов
с женой Лукерьей Степановной и
сыном Павлом. 1916 год.**

2. Выселение в Конду

Но вот началась новая эра в жизни страны. Коллективизация. Что это такое? Очевидно, и взрослым было непонятно. Ясно было только, что жизнь надо как-то менять. Да и были уже известия, что тех, кто создал крепкое хозяйство, «раскулачивают» и выселяют куда-то на север, в тайгу. Встал вопрос: как жить дальше? Наверняка советская власть не оставит в покое, так, может быть, не ждать, уехать самим? Кто на пустом месте построил хутор и поднял хозяйство, кто не боится труда, тот и на новом месте сможет тоже обосноваться не хуже.

Некоторые так и сделали. Одна семья в 1929-м году переселилась из Ирбитского округа на берег озера Туман¹, подальше от Конды². Построили там дом, завели хозяйство. Когда началось переселение «раскулаченных», вокруг их дома начали строиться вновь прибывшие, так возник поселок Совлинский, ставший пятым поселком спецпереселенцев на Тумане.

Вот и жители соседней деревни Щукины решили всей семьей уехать на Север, где, говорили, люди живут неплохо: и рыба есть, и ягоды, и земля. Мой отец, тогда ему было 24 года, тоже поехал с ними в Конду (так называли тогда весь Кондинский район) на смотрины. Побывали они на Пашне³, в Леушах, в Корпу, посмотрели на этот глухой угол, где в основном жили ханты и манси, на условия их жизни, на лес, озера, реки. И Щукины остались жить в Корпу. А отец мой двинулся один обратно. Шел пешком. От деревни до деревни, добрые люди давали ночлег, кусок на дорогу и указывали путь до следующей деревни. Приходилось ночевать и в избушках-зимниках – охотничьих избушках. Там всегда были приготовлены дрова, растопка, спички, бывало, и сушеная рыба. Остановись, путник, затопи, погрейся, переночуй, но снова оставь после себя сушняк и растопку.

– Я так и делал, – рассказывал мой папа.

Вернувшись домой, он рассказал деду, что можно жить и там, если можешь трудиться. Но как с нашей большой семьей туда

¹ Туман – озеро (на языке манси). В данном случае речь идет об озере Леушинский Туман.

² Река Конда, приток Иртыша.

³ Пашня, Корп – деревни на берегах Тумана. Леуши – село на берегу реки Ах, которая вытекает из озера Туман и впадает в Конду.

переехать? Побоялся дед большой семьей с малыми ребятишками в дорогу пускаться. Да, видно, зря.

В январе 1930 года деда, Михаила Антоновича, признали кулаком. И всё у нас забрали: дом, машины сельскохозяйственные – косилку, молотилку, сепаратор, весь скот, одежду. Деда арестовали. Помню этот момент. Пришли два мужика, заставили

Российская Федерация Управление архивами Свердловской области ФИЛИАЛ Государственного архива Свердловской области в г. Ирбите	Тюменская обл. Кондинский р-он п. Лиственнический Карфидовой А. П.
« I » 07 1930 г. № 1711	
623900, г. Ирбит, ул. Кривошаровская, 3, тел. 2-55-80	
АРХИВНАЯ ВЫПИСКА на №	
СПИСОК КУЛАЦКИХ СЕМЕЙ ВЫСЕЛЕННЫХ ИЗ КРАСНОПОЛЯНСКОГО РАЙОНА ИРБИТСКОГО ОКРУГА	
д. Ясная Поляна	
103. Черепанов Михаил Антонович, 54 года жена Лукерья Степановна, 60 лет сын Павел 23 г, сын Василий 14 л, дочь Анна 15 л.	
Имущественное положение в прошлом и сейчас:	в прошлом помещик, сейчас кулак.
Характеристика:	вел анти Сопротивлялся во всех советских мероприя- тиях.
На основании каких документов:	Постановление № 1 от 20.01.30г Содержание под стражей в Ирбитском ИТД до выселения.
ОСНОВАНИЕ: ф183, оп2, д15, л25.	
Директор филиала исп. Волкова	Г. В. Боталова.
	
г. Ирбит, типографш. 24 03 93 г. зан. 2219, тир. 2000	

деда одеваться, бабушка заплакала. Деда увели. А папа наш в это время был отправлен на лесозаготовки в Надеждинск.

Нас – бабушку, её приемного сына Василия (12 лет), дочь Анну (14 лет) и маму с нами, с четырьмя детьми, – отправили в ссылку. По иронии судьбы – в Кондинский район¹. Мне было тогда 5 лет, Николаю – 4 года, Тамаре – полтора года, Аннушке – 3 месяца.

Никто из выславших не задумался, как с такими детьми отправлять в дальний путь зимой – был март месяц. А вот отправили.

Огромный обоз вёз ссыльных со всей округи. Женщины с детьми на санях, а остальные шли пешком. Один день сменялся другим, так что люди теряли счёт времени. Ехали мы долго, не знаю, сколько дней. Мама моя говорила, что на место приехали на 18-й день. Где-то, видимо, остановки были не на один день. Помню, что в Туринске мы ночевали в здании церкви, даже не одну ночь. Там и с дедом Михайлом встретились, его отпустили после ареста.

Далее ехали в Конду через Гаринский район².

Запомнилось, что утром в темноте (хотя уже был март месяц), поднимали нас, быстро одевали, давали что-то пожевать – и в сани. Недоспанное навёрстывали в дороге.

Помню голубое мартовское небо над головой, серые легкие облака по нему плыли.

Очень боялись мы спускаться с гор, так как не раз бывало, что лошадь разбежится, сани набок, и мы все в снег. Так ехали, спали, смотрели на небо. Бабушка из-за пазухи (чтоб не замерз) толкнет по куску хлеба, пожужим, вот и весь обед.

Приходилось ночевать и на зимниках, где женщины с детьми теснились в избушке, а взрослые проводили ночи около костров.

В деревнях, где были остановки на ночь, жители нас жалели, делились какой-нибудь едой.

А в деревне Таборы мне одна сердобольная женщина дала рукавички, свои-то я, утром ли, вечером ли, одеваясь в темноте, потеряла. Спасибо этой доброй женщине!

¹ Возможно, планируемый район ссылки был известен заранее, поэтому и «на смотрины» Щукины и другие ездили «в Конду».

² Гаринский район – часть Уральской (ныне Свердловской) области, лежащая севернее Туринска и граничащая с Кондинским районом.

Хуже было полуторагодовой Тамаре, но и она терпела, привыкала к обстоятельствам. А вот трехмесячную Аннушку, как утром завернут в пеленки, так и до вечера, не переодевая, мокрую везли до следующего стана. Скоро Аннушка заболела, у нее начался жар.

Примерный маршрут¹ «спецпереселения».

¹ Маршрут показан по современной карте. Железная дорога «Тавда – Устье-Аха (Междуреченский)» была построена 40 лет спустя.

Бабушка наша все молила, чтоб довезти маленькую Аннушку до места, чтоб не умерла дорогой, ведь умерших в дороге конвоиры выбрасывали в снег – некогда хоронить, обоз с переселенцами должен двигаться дальше.

Но судьбе было угодно, чтобы моя маленькая сестренка осталась жить. Еле живую привезли Аннушку в Леуши, отыскивали почище тряпку, завернули в неё, и к врачу. Очень хорошим оказался врач Васильев Тимофей Васильевич. Он дал маме для ребенка какие-то таблетки, которые сразу же подействовали. Девочка стала быстро поправляться.

Не помню, где и сколько мы тут в Леушах провели дней, но дальше повезли нас в деревню Тап. Там поместили к какой-то женщине-мансийке. Она потом говорила:

– Нас пугали, что вот привезут сюда кулаков-переселенцев. А они, оказывается, такие же люди.

Помню её доброжелательное отношение к нам.

В Тапу мы прожили до осени, туда и папа наш приехал с лесозаготовок.

Может быть, по малолетству, но я не замечала тоскующих лиц, все как-то быстро приспособивались к новым условиям жизни, ни ссор, ни раздражения. А вот такие слова взрослых запали мне в память:

– Ну и здесь можно жить!

Какие вкусные караси ловились в Тапу! Их ели жареными.

Осенью нас перевезли в Тулью¹, была за Леушами такая деревенька в 4 дома. Во всех деревнях по Конде в каждый дом, в каждую избушку к местным жителям битком набили переселенцев.

Там были маленькие, как и Тулья, деревушки по 3-4 дома. Деревня Фирули², где жили только Фирулевы-родственники. И, через километр, маленькая деревушка – Гари³. Там жили только семьи Механошинных.

А между этими деревушками по берегу озера Туман – сплошная тайга, вековые деревья. Вот там и намечено было

¹ На берегу реки Тулья, 2 километра от Леушей в сторону Устье-Аха.

² Западный край современного поселка Лиственничный, где позднее была пилорама.

³ Край современного поселка Лиственничный, ближний к Леушам.

построить поселок для спецпереселенцев. На раскорчевку леса на берег Тумана уходили с ранней весны мужчины и женщины из всех мест временного расселения – из Тульи, из Гарей, из Фирулей.

Мы в Тулье жили в доме Шулининых, у деда Михаила Васильевича.

Небольшой домик – прихожая, кухня, горница, маленькая спальенка. В такой квартире жил дед, его сын Семен с женой Дусей и маленьким ребенком, и 18-летний Андрей – второй сын.

А подселили к нему семью Черепановых, нас было 10 человек, и семью Кузьминых – еще 7 человек. Дед спал на печке, сын Андрей зимой на полатях, летом на сеновале, дядя Сема с тетей Дусей теснились в спальенке. В горнице вповалку на полу семья Кузьминых, а в прихожей – 10 человек Черепановых.

В другой дом, ещё меньший по площади, была подселена семья Лалетиных, пять человек. У хозяйки дома Аграфены Алексеевны у самой была семья три человека.

Вот в такой тесноте прожили год. Но никто никогда не проявлял недовольства, ни молодежь, ни старшие.

В Тулье мы прожили год и к следующей осени¹ уехали на строящийся поселок к озеру Туман, под надзор коменданта.

Слева направо: Николай, Тамара, Ангелина, Анна.

Фото Шадрин В.А., 1936 г.

¹ Осень 1931 года.

3. На берег Тумана

Взрослые с самой ранней весны уходили на работу из Тульи за семь километров на берег Тумана, на участок, где зарождался новый поселок. Они раскорчевывали место под строительство домов. Вскоре, чтобы не ходить каждый день в такую даль, стали оставаться на ночлег на берегу.

Берег озера Туман изрезан многими оврагами. И вот к середине лета 1931 года по всем оврагам, как муравьи, расселились люди, кто в землянке, кто в балагане (шалаш, крытый берестой). Быстро строили баньки, бараки, чтобы к зиме все могли переселиться из шалашей и землянок.

Помню, было построено два длинных барака, в которых были железные печки, двухъярусные кровати, и там семья от семьи отгораживалась пологамы – занавесками.

Берег озера Туман изрезан оврагами.

Фото Карфидовой Л.И., 2008 г.

Наша семья – Черепановы, – и семьи Лалетиных и Осинцевых построили на берегу избушку, где и зимовали с 1931 на 1932 год: Черепановых 10 человек, Лалетиных 5 человек, Осинцевых 6 человек, Храмцовых двое. В избушке, как и во всех домишках, были сделаны полаты под потолком. И так на площади 4 на 6 метров помещалось столько людей.

Раскорчевка территории, конечно же, в начале-то 30-х годов шла только с топором в руках и двуручной пилой. Никакой механизации тогда не знали. Спиливали дерево, обрубили сучья,

тащили в кучу и сжигали. А у пня, оставшегося после дерева, обрубали корни со всех сторон, подсовывали под него вагу (жердь), затем наваливались на вагу человек 10-15 и раскачивали. Так под «Дубинушку» пень отрывали от земли.

Теперь работа школьникам – пни обивать от земли, чтобы их потом можно было сжечь. На день норма такая: ученику первого класса – один пень, ученику второго класса – два пня, третьего – три. А те, кто постарше, считались уже большими, и работали они вместе со взрослыми. Для детей работа по обиванию пней была, конечно, тяжелая, но у взрослых работа была еще тяжелей, поэтому трудиться, не считаясь с усталостью, приходилось всем.

Раскорчевка – трудная и небезопасная работа, бывало, спиленное дерево повалится не туда, куда его направляют, а «сыграет» в сторону, не раз под него попадали люди и погибали.

Я в 1936 году училась в 4 классе и написала стихотворение, которое помню до сих пор. Писала так, как понимала и представляла себе в свои 11 лет:

На берегу озера Тумана
Стояла страшная тайга.
И в том густом урмане
Медведь скота давил тогда.
Сюда по ягоды ходили,
И ягод было много здесь,
Тогда и люди здесь блудили –
Всего не перечесть.
Не узнать былого места
В настоящие года.
И от старого-то леса
Не видать сейчас следа.
Вместо леса рожь густая
Золотистая растет
И большая-пребольшая
К небу колосом идет.
Вместо зверя ходят люди,
Они жгут большущий лес.
Восемьсот уже гектаров
Разработали мы здесь.

Учителя мне посоветовали отправить мое творение в газету «Ленинские внучата». Что я и сделала. Мне из редакции написали: «В чем дело, почему жгут лес – богатство страны?» И еще о том,

что, «видимо, ваши родители имеют какую-то вину перед страной». Я знала эту «вину»: мои родители считались кулаками. А почему жгли лес? Потому, что промышленность лесная началась позднее, а тут нужна была площадь под посевные.

Стихотворение, конечно же, не было напечатано.

А посевные площади все увеличивались, руководство района на каждый год давало план: сколько еще гектаров раскорчевать, сколько засеять и т.д.

За Леушами в лесу были бараки, где жили колхозники-раскорчевщики, пилили лес, корчевали пни, пахали, сеяли. За деревней Запор тоже были поля для посева зерновых, поставлен барак для людей, постоянно приезжающих полоть, жать, убирать, косить сено. Эти раскорчеванные поля называли Ближние Гари¹ (за Леушами) и Дальние Гари (за Запором).

Мне, начиная со второго класса, приходилось ночевать в бараке на Ближних Гаях, школьников туда отправляли полоть хлеб (посевы). Весь день на работе. Устали, пришли в барак, повариха всех накормит – и отдыхайте.

Мы, ребяташки, как-то быстро сбрасывали усталость.

Гари.

Фото Карфидова В.Ю., 1998г.

¹ Гарь (сиб.) – горелый лес, место лесного пожара, либо поле после раскорчеванного и сожженного леса.

Поужинав, бежали играть в прятки, в 12 палочек. Ведь кругом есть еще не спиленные деревья, не выкорчеванные пни, где так интересно прятаться.

А потом спать. Пиджачок с себя снимешь, постелешь на нарах, платком укроешься, и спишь до утра. А утром снова на работу.

Я так сильно скучала по дому. Домой приходила, как на праздник. Иду в огород, а там и грядки за время моего отсутствия изменились, и кот стал другим, и ребятишки, по которым я соскучилась.

А.П. Карфидова в тайге спустя 50 лет.

Фото Карфидова С.Ю., 1980 год.

Ночь дома. А утром опять на Гари. Пешком, по грязи, босиком. Лишь выйдя на сухую дорогу, обуваемся, обтерев грязь с ног травой.

4. И назвали наш поселок – Лиственничный

Строящийся поселок располагался между двух маленьких деревушек – Фирули и Гари. Между ними было около километра сплошной тайги. Переселенцы должны были очистить территорию и строить на ней дома. Вручную спилили лес, вырубали кустарники, выкорчевали пни, сожгли их, а на расчищенном месте выросли дома.

Папа мой говорил, что в первый год было раскорчевано лишь 2 гектара земли, место для постройки домов.

Первый дом на первой улице будущего поселка был построен летом 1931 года, в него заселились Балахнины – два брата со своими семьями. Первый дом, построенный не по типовому проекту, был небольшой, но очень светлый – на улицу выходило четыре окна. В 1974 году мы с Юрием Петровичем, моим мужем, купили у Балахниных этот дом и прожили в нем почти тридцать лет.

Первый дом на первой улице – 60 лет спустя.

Фото Карфидова С.Ю., 1990 г.

Остальные дома строили по типовому проекту – длинный бревенчатый дом делился пополам бревенчатой же стеной, с двух торцов пристраивались сени из досок, и готов дом на две квартиры.

Строили быстро. Вот один старожил, свидетель того времени, Кузьма Михайлович Серебренников вспоминает: «Неделя – и готов двухквартирный дом». Его не штукатурили, не красили, а сразу в каждую половину дома помещали две-три семьи. Квартиры

**Еще сохранившаяся половинка
двухквартирного дома.**

Фото Карфидова В.Ю., 2009 г.

однокомнатные. За 1931 год выросла целая улица¹ двухквартирных домов.

Постепенно все расселились по новым домам. В 1932 году и мы, семья Черепановых, переехали из избушки в половинку двухквартирного дома. Спустя много лет, с 1965 по 1974 год мне снова довелось жить в том доме.

А те маленькие деревушки – Гари, Фирули, – быстро исчезли, их жители, очевидно, переехали в Леуши.

Далее продолжалась раскорчевка для второй² улицы, отделенной от первой расстоянием примерно 150 м.

По берегу озера Туман за один год появилось шесть поселков переселенцев: 1-й – Лиственничный, 2-й – Мало-Новый, 3-й – Ягодный, 4-й – Сумпанинский, 5-й – Совлинский, 6-й – Дальний.

¹ С 1970-х годов – улица Комсомольская.

² С 1970-х годов – улица Космонавтов.

Почему наш поселок Лиственничный? Во время валки деревьев на берегу Тумана было замечено дерево – чудо природы, лиственница, крона которой представляла совершенно правильную пятиконечную звезду – так она виделась на расстоянии. Дерево не спилили, как все другие, стоящие вокруг него, и оно красовалось на высоком берегу Тумана почти десять лет. В честь этого дерева поселок и назвали Лиственничным. Перед войной во время сильной грозы эту красавицу-лиственницу расщепило молнией. Постепенно осыпалась хвоя, высох ствол. В годы войны пришли женщины с пилой, спилили дерево в два обхвата толщиной, распилили на чурки, раскололи и увезли на дрова.

Весной 1932 года уже на второй улице, построенной параллельно первой, были открыты детские ясли и детский сад. Разместили их в таких же плановых домах. Так матери отдавали сюда своих детей, чтоб самим идти на работу – началась посевная кампания. Помню столовую – длинные от стены до стены низенькие столы и скамейки, эмалированные тарелки и кружки. После обеда все это сдвигалось к стене, и комната сплошь заполнялась маленькими раскладушками. Был и кукольный театр. Петрушка развлекал ребятшек. Был и живой уголок, где жили уточки и зайчик. Первой заведующей детсадом была Воинкова Нина Ивановна, затем ее сменила Арефьева Анфиса Васильевна, т.к. семья Воиновых уехала по вербовке на строительство Магнитогорска. Многие ссыльные в 1932 году завербовались и уехали туда же. На эту стройку брали и спецпереселенцев.

Помню, что между улицами была посеяна рожь. За лето она выросла выше роста взрослого человека. И я, когда одна шла в детсад, очень боялась, что из ржи выскочит на меня медведь. Конечно, во ржи медведя быть не могло, а вот в лесу, который близко подходил к поселку, однажды мужики поймали двух медвежат. Я, идя из детсада, задержалась с толпой людей, окруживших этих зверюшек. А потом побежала домой по улице, и совсем неожиданно один медвежонок кинулся за мной. Затем он прыгнул на березу, растущую у одного дома. А я очень напугалась. А однажды таким же зрелищем был пойманный в лесу лосенок.

Сразу же, в 1931-32 году, начал работать медпункт. Первым фельдшером был Стадников Федор Иванович. Располагался медпункт в такой же половинке планового дома. Там же и квартира фельдшера, там же и техничка жила, она и помощница его. Медикаментов тоже было не очень много.

Вот приходит старушка к фельдшеру, жалуется на свою болезнь. Он выслушал и говорит своей помощнице Анне Ивановне:

– Ивановна, налей-ка тут из графина четушку¹ и принеси сюда.

– Вот, Настасья, пей по столовой ложке три раза в день перед едой. Через три дня зайдешь ко мне.

Через три дня Настасья приходит и просит:

– Сынок, ты мне дай ещё того лекарства, оно мне хорошо помогло.

Налили ещё. У Анны Ивановны в графине всегда была кипяченая вода. Так сильна была вера в фельдшера, что даже вода помогала.

**Рыбалка на таежной речке.
С удочкой – Ю.П. Черепанов
Фото Карфидова В.Ю., 1989 г.**

¹ Бутылка емкостью 0,25 литра.

Затем фельдшером был Чигвинцев, затем много лет работали Гневалова Надежда Павловна, Суворова Анна Степановна. Это люди самой гуманной профессии, которые за время своей работы едва ли не в каждом доме побывали, спеша на помощь в любое время дня и ночи.

Работала почта. Слышно было, особенно вечером, как звенит почтовый колокольчик, это возит почту Яковлев Семен Иванович вплоть до поселка Дальнего. А во время войны почту возил на велосипеде Муравьев Алексей Григорьевич – из Леушей на поселок. До Леушей ходил от Кондинска почтовый катер, а зимой – почтовая тройка.

Молодежь по воскресеньям собиралась на строительство клуба, эти дни называли не воскресником, а субботником. У клуба были построены качели, их называли «гигантские шаги»: столб, четыре веревки с сиденьями внизу, четыре человека раскачивали их.

Здание клуба было построено к 1935-36 году. В клубе ставили концерты, пьесы, были танцы, затем с песнями под гармошку гуляли по улицам. Через всю ширину улицы стеной становились парни и девушки в несколько рядов и гуляли с песней. Без всякого вина всем было весело и интересно.

Заведующим клубом был Попов Михаил Николаевич. Он же библиотекарь, он же киномеханик, он же заместитель председателя колхоза. Очень доброжелательный, умный молодой человек, умел обращаться и с детьми и с взрослыми, умел организовать молодежь на концерты. Погиб Михаил Николаевич на фронте.

Жизнь свою трудную народ окрашивал песнями: пели, гуляя по улицам, пели в клубе в ожидании концерта: артисты готовятся за занавесом, а зал поёт. Пели в лодках, когда ехали на гребях¹ по Туману на работу, с работы, пели на поле, во время коротких минут отдыха, пели и во время войны, пели и плакали – много было горя.

Были в поселке и дети-сироты, человек 15-16, которые жили в отдельном, «детском» доме. Воспитателем, поваром, техничкой у них была Сутягина Анна Сидоровна, человек большой души, заботилась о детях, как родная мать. У нее самой было трое детей. А муж ее был арестован и расстрелян в 1937 г.

¹ На веслах (*сиб.*)

В 1934 году на поселок привезли переселенцев из Сургутского района, куда они перед этим были сосланы из Курганской, Челябинской и других областей. Разместили их к первым жителям, уплотнили население в каждой квартире. Например, к нам, когда нас было уже 11 человек, подселили семью Семеновых – четыре человека. В доме ночью не было ни одного свободного квадратного метра – везде спали люди.

Сразу же продолжили строительство второй улицы. И вырос тогда «Сургутский край» – так называли эту часть поселка с переселенными туда «сургутчанами».

Грибы – дары тайги.
Фото Карфидова В.Ю., 1977 г.

5. Колхоз «Красная поляна»

В 1932 году на поселке организовалась так называемая неуставная артель. Её председателем стал Попов Константин Николаевич. Но через четыре месяца его перевели на шестой поселок (Дальний) председателем только что созданного колхоза, а руководить артелью поставили другого, Черепанова Павла Михайловича, моего отца, которому было тогда всего 26 лет. 19 декабря того же года артель преобразовали в колхоз «Красная поляна». Председателем колхоза стал мой отец. Он проработал на этом посту почти 29 лет.

**Председатель колхоза «Красная поляна»
Черепанов Павел Михайлович**

Колхоз начинался почти с пустого места – только топоры да пилы в умелых и работающих руках. Однако нужно было налаживать жизнь. Переселенцы – народ работающий, хозяйственный, среди них

было много умельцев, специалистов своего дела. Нашлись плотники-строители – строили дома. Нужен кирпич для печей в домах – открыли кирпичный завод. Заработал бондарный цех, где делали кадки, бочки, чаны.

Был такой порядок – у каждого дома стоял летом большой чан с водой – противопожарная мера. На каждый дом приколочена дощечка с изображением топора, лестницы, ведра и т.п., то есть то, с чем должен бежать хозяин в случае пожара. Я не помню, чтобы часто бывали пожары, но по тревоге частенько собирали народ, очевидно, с целью проверки готовности.

В дома нужна мебель, нашлись специалисты и по этому делу, открыли столярный цех. Мастера главные – Карабашев Александр Иванович, Дымшаков Александр Михайлович. Ещё и сейчас в некоторых домах можно увидеть табуретки, столы, стулья с точеными ножками.

Стол, сделанный колхозными мастерами.

Фото Карфидовой Г.И., 2008 г.

Не обойтись без кузницы в таком хозяйстве. Главным мастером-кузнецом был Арефьев Михаил Иванович.

Нашлись и сапожники, которые и шили, и ремонтировали обувь (Сеченов Николай Гаврилович, Чинков, Копылов Василий Семенович и др.), мастерицы-швеи (Пястолова Лиза, Молокова

Катя), ткачихи – они ткали холсты из льна и конопли, которые выращивались на колхозных полях.

Если к 1932 году было лишь 2 га пашни, то к 1936 году – уже 800 гектаров пахотной земли. И все двуручной пилой, топором и вагой.

Земля свежая, к тому же удобренная золой от сжигаемых деревьев, удивляла своими урожаями. Сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох и овощи. Помню, между первой и второй улицей была рожь выше взрослого человека ростом, густая. К осени репа вырастала величиной с тарелку, турнепс по величине был с двухлитровую банку, только длиннее, капуста – по 6-7 кг вилок.

Неплохой урожай в Лиственничном был и 45 лет спустя!

Фото Карфидова В.Ю., 1977 г.

На выжженных местах любит расти кипрей (иван-чай), колючий осот и другие сорняки, поэтому посевы зерновых нужно было пропалывать. Пропалывали вручную, иногда по два раза. Прополку поручали школьникам. Уже после первого класса 8-9-летние ребята все лето в поле.

Еще в колхозе сеяли мак, лен, коноплю. Весь урожай потом обрабатывали: волокно пряли, ткали полотно на мешки, полога и

прочее. Из семян льна и конопли делали растительное масло, которое потом раздавали на трудодни.

Ближе к Туману, по берегу, выращивали овощи: огурцы, помидоры, капусту. Воду для полива подвозили на лошадях из Тумана в бочках.

Весь народ в колхозе был разделен на бригады. За каждой бригадой закреплены определенные поля.

1-я бригада молодежная, бригадиром в ней был Павел Васильевич Ермаков, все уважительно называли его Павликом. Погиб на фронте. Когда его призвали в армию, бригадиром стал Козловский Яков Дмитриевич. И он тоже пошел на фронт и тоже погиб в 1943 г.

2-я бригада – бригадир Рыбин Петр Петрович. Вместе с сыном Яшей они тоже погибли на фронте. После него бригадиром был Савиных Василий Осипович, а позднее – Ибрагим Шакирьянов.

3-я бригада – бригадир Чечетин Кузьма Аристархович, затем – Бухаров Петр Андреевич.

4-я бригада – бригадир Гаврилов Никандр Федорович, позднее – Волков Александр Петрович.

5-я бригада – овощеводческая, бригадир Рыбина Анна Игнатьевна. В бригаде работали женщины пожилого возраста, выращивали овощи: картофель, капусту, свеклу, морковь, репу, турнепс, огурцы, лук, помидоры, сахарную свеклу. Активной звеньевой была в бригаде Смирнова Елизавета Андриановна. У нее было 6 детей, мужа арестовали в 1937 году. Она одна растила и поднимала такую семью.

Все важные вопросы решались на общем колхозном собрании, а текущие на правлении колхоза. В правление входили:

- все пять бригадиров;
- заведующий конным двором – Семухин Петр Федорович, – непререкаемый авторитет. После Семухина многие годы был на этом посту Чусов Яков Григорьевич;
- зав. молочной фермой – Дымшакова Анастасия Алексеевна;
- зав. свиноводческой фермой – Усиевич Наташа;
- другие ответственные лица.

Каждый вечер после работы бригады собирались в конторе на разрядку и распределяли колхозников на работу на следующий день.

Утром на пожарной каланче били в колокол – подъем в 4-5 часов утра, а во время посевной и уборочной – в 3 часа. Через час – второй колокол – на работу, а куда – с утра сообщил рассыльный, была такая должность. Стучит он в каждый дом в окно и сообщает, например:

– Ты, Иван, сегодня на покос, а Валентина – на Гари жать, и т.д.

**Не перевелись мастера в Лиственничном
(Маргарита Павловна Маслова (Черепанова)).**

Фото Карфидова В.Ю., 2003 г.

Но все-таки наш колхоз был из ссыльных спецпереселенцев, колонистов (так называли нас в народе), которые все были под надзором, считались – кулаки, враги народа. Во всех посёлках была комендатура, куда взрослые раз в месяц должны были приходиться отмечаться.

И даже потом, до середины 50-х годов, мы, члены семей спецпереселенцев, были лишены многих прав. Например, поступая на работу в школу, леспромхоз, метеостанцию, мы не получали северных надбавок, нам не засчитывался «северный» стаж, мы не могли пользоваться никакими льготами, предоставляемыми обычным жителям этих районов.

А тогда, в 30-40-е годы, ссыльные были под особым надзором. Никто не смел не то, что прогулять рабочий день, но и опоздать на работу. А уж не выполнить план!

Вспоминаю такой случай. Трактористка Дуся Ярославцева, которая жила тогда на 5-м поселке, не смогла выполнить дневной план по пахоте из-за поломки трактора. По распоряжению коменданта после окончания рабочего дня ее посадили в «каталажку». Потом она рассказывала:

– По улице молодежь с песнями гуляет, а я сижу там одна, в темноте.

Утром комендант ее выпустил, и она пошла ремонтировать трактор – без ужина, без завтрака, голодная.

У нас в Лиственничном, тоже была «каталажка»: маленькая избушка за клубом, с крохотным окном и дверью, запираемой на навесной замок.

Тем не менее, ко всему колхозному люди относились как к своему собственному, берегли каждую вещь, берегли поля: ни взрослый, ни ребенок не перебежит, не ступит на засеянное поле, чтоб не стоптать, не помять растения.

Агроном был тоже из переселенцев – Осинцев Василий Наумович, отличный специалист. О нем говорили: «Нет ни одного поля, куда бы не ступала его нога». А когда его перевели на Ягодный поселок, агрономом в Лиственничном стал Балахнин Георгий Андрианович, который окончил в Ханты-Мансийске курсы агрономов. Его жена Таисья Григорьевна работала в пятой бригаде, болела за овощеводство, за парники, где росли огурцы и рассада помидоров и капусты.

На трудодни колхозникам давали овощи, зерно¹. Развозили по домам, у дома сваливали капусту, турнепс. Зерно высыпали каждому колхознику в лари (большие ящики), что стояли на крылечках. Затем хозяйева это зерно понемногу, по мешку–два, сушили на русских печках и везли молоть на мельницу.

Было в колхозе две ветряные мельницы к югу от поселка. Мельники – Демидов Николай Иванович и Булатов Иван Семенович. В ветреные дни мололи муку, затем хозяйева забирали

¹ Деньги (зарплату) колхозникам не выплачивали вообще. Получить деньги можно было только продав (не колхозникам) что-то из личного хозяйства – молоко, овощи со своего огорода.

свои мешки с мукой. Хлеб стряпали дома, в русских печах, в магазине его до войны не продавали.

Первое время жили по 2-3 семьи в квартире – это по 8-10 человек и более, но жили дружно, никакого недовольства, ссор. Квартиры на замки не закрывались. У двери ставили палочку и уходили на работу до вечера.

Ни в 1931-32 годы, когда было очень голодно, ни тем более в последующие годы не было случая, чтоб кто-то у кого-то что-нибудь украл.

А скотоводство начиналось так. В 1933 году колхозное собрание вынесло решение закупать телят в ближних деревнях, и к 1935 году было уже 85 дойных коров, а к 1941 году – 173 дойных коровы и 350 голов молодняка. В 1936 году на лошадях зимой привезли из Свердловской области 10 поросят – так как в Конде поросятами никто не занимался. Через два года колхоз имел 25 свиноматок, а общее поголовье свиней составило около 200 голов. Перед войной овец было 200 штук, кур – 240 штук, лошадей – 225 голов, молодняка разного возраста – 80 голов.

Звероводством стали заниматься с 1950 года. Построили звероферму, на которой осваивали правила ухода за чернобурыми лисами. Первым зав. зверофермой был Кузьминых Андрей Власович, после Стрельцов Павел Максимович.

К началу войны колхоз «Красная поляна» стал крупным хозяйством. С двух гектаров пашни в 1932 году посевные площади увеличились до 1145 гектаров (вокруг поселка, Гари за Леушами, Дальние Гари за Запором).

Ещё раз повторяю, что урожаи были очень хорошие. Ежегодно сдавали в закрома государства от 250 до 400 тонн зерна, а также молоко, мясо, овощи, картофель. Богатый урожай обещался и в 1941 году. На колхозных полях наливались хлеба, на лугах нагуливался скот, строилось село. Но грянула война.

Вот такая картошка растет в Лиственничном.

Фото Карфидова В.Ю., 1977 г.

Рядом с ведром – урожай картофеля из одного гнезда.

Фото Карфидова В.Ю., 1977 г.

6. А еще был 1937 год

А еще был 1937 год.

В этом году многих мужчин и женщин арестовали и увезли, неизвестно за что, неизвестно куда.

Я училась в 5 классе. Помню, утром в школу приходили ребята и говорили, у кого ночью забрали отца, говорили шепотом. Говорить об этом вслух боялись, ибо считалось, что арестовали врага народа, а семья его теперь считалась семьей врага народа. В НКВД составлялись фиктивные документы, что, якобы, данный гражданин состоит в какой-то группе, которая готовилась выступить против советской власти. И «тройка» (были такие всеисильные «тройки») присуждала к 10 годам тюрьмы, а чаще – к расстрелу. Немногие вернулись через 10-то лет.

Не секрет, что для того, чтобы «разоблачать врагов народа», сотрудники НКВД вербовали доносчиков. Про некоторых люди знали, про других – нет. Вот, например, был в колхозе один работник, не хочу называть его фамилию. А к моему отцу, как к председателю колхоза, часто приезжали люди по каким-то делам. И вот, этот работник всегда в таких случаях бросал свое занятие, приходил к нам домой, садился и слушал, о чем разговаривает председатель с приезжими. А потом бежал к коменданту и все рассказывал. Все про это знали, поэтому никто лишнего при нем не говорил.

И такие порядки были не только в 1937-м году, а многие годы.

Однажды в 1946 году меня вызвал комендант. Начал заполнять анкетные данные: где родилась, кто родители, где работаю. Затем сказал:

– Будешь слушать, о чем говорят люди, и мне будешь рассказывать.

Я поняла, что он вербует меня в доносчики, и заявила:

– Я не буду шпионкой!

– Что значит – шпионкой?

Я расплакалась, говорю:

– Делайте со мной что хотите, не буду шпионить за людьми!

Он посмотрел на мои слезы, подумал, порвал заполненный лист бумаги и сказал:

– Ладно, иди. Но чтоб ни одна душа не знала, что ты здесь была!

И я молчала об этом больше 50 лет, лишь недавно решилась рассказать. Только через много лет я поняла, как мне повезло, что он так меня отпустил. А ведь мог обвинить, что я отказываюсь помогать Советской власти, значит – сама враг? Оказался бы другой комендант – и сидеть бы мне 10 лет в тюрьме или в лагерях.

Зимний Туман.
Фото Карфидовой Г.И., 2009 г.

7. Мой отец – председатель колхоза

Для меня история нашего поселка, история колхоза неразрывно связана с памятью о моем отце. Он был председателем колхоза с момента его образования в 1932 году до преобразования в совхоз в 1961 году. Но и кроме колхозной жизни его судьба была полна событиями.

Если представить жизнь человеческую в виде длинного шнура, то сколько же можно на него нанизать событий, свидетелем или современником которых был этот человек.

К примеру, возьму жизнь моего отца. Он родился в 1905 году при царизме, помнил войну с Германией 1914 года. На его памяти произошла Октябрьская революция 1917 года, гражданская война. Он вместе со своим отцом и дедом строил хутор на выделенной земле, жил при почти натуральном хозяйстве. Затем коллективизация 1929-30 годов, когда его семья была признана кулацкой и сослана в Остяко-Вогульский округ¹.

Затем организация колхоза, назначение председателем колхоза, становление колхозной жизни.

Страшный 1937 год – повальные аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей (с реабилитацией в далеком будущем). Отца это почти не коснулось – только через страдания близких людей, с которыми он прошел ссылку, строительство поселка, организацию колхозной жизни.

Великая Отечественная война 1941-45 г.г., с которой не вернулся его сын, а мой брат – Николай.

Два года тюрьмы, после чего был он признан невиновным и вновь восстановлен на тот же пост – председателя колхоза.

Послевоенное восстановление народного хозяйства, бедность, нищета, голод, хлебные карточки.

Построение социализма. Преобразование колхоза в совхоз, и назначение отца на новую должность – директором строящегося маслозавода. Там он проработал до выхода на пенсию.

Мой отец всю жизнь работал добросовестно и честно: всё для колхоза. И мы, дети, и мама наша – всегда на работе, чтобы никто не мог उपрекнуть ни в чём.

¹ Ныне Ханты-Мансийский автономный округ.

Когда в 1942 году военкомат призвал мужчин с Лиственничного и других поселков на фронт, отец сам поехал в Нахрачи¹, в военкомат, хотел пойти на фронт добровольцем. Когда секретарь райкома узнал об этом, а ему, скорей всего, сообщили из военкомата, что председатель Черепанов просится на фронт, он вызвал отца и отчитал его.

– Твой фронт, – сказал он, – на посту председателя колхоза. Если ты уйдешь с винтовкой в бой, кто будет обеспечивать армию и страну хлебом и лесом? На кого ты бросаешь колхоз? Немедленно возвращайся в Лиственничный, и чтобы я тебя больше здесь не видел с такими заявлениями.

Пришлось папе возвращаться.

Мои родители: Павел Михайлович и Мария Дмитриевна.

Фото Карфидова В.Ю., 1971 г.

Характер у него был на удивление спокойный, я всегда старалась подражать ему. Помню пример: отправляет женщину на покос на несколько дней, а у неё дома дети. Муж на фронте. Она возмущена, начинает ругаться, не выбирая выражений. А отец сидит молча с трубкой во рту. Выложила женщина свою горечь. Он вынимает трубку изо рта и спрашивает:

¹ Село Нахрачи, адм. центр Кондинского района. В 1961 г. переименовано в с. Кондинское.

– Ну что, Татьяна, поедешь?

И женщина плюнула:

– А куда деваться? Поеду.

Я всё спрашивала:

– Папа, зачем ты позволяешь так ругать себя?

А он отвечал:

– У неё столько горя, неприятностей. Если она разрядится тут, может, ей будет легче.

В 1942 году из блокадного Ленинграда привезли ребятишек-сирот. Колхоз и его председатель – в первую очередь, – делали все, чтобы помочь детям. Отдали помещения клуба и правления колхоза под детский дом. Истощённые, измученные, осиротевшие ребятишки были приняты жителями посёлка как родные. Всё лучшее – молоко, мясо, яйца, – в детский дом. Даже через 40 лет (в 1985 году) уже ставшие взрослыми бывшие детдомовцы из Ленинграда по всесоюзному радио присылали благодарность председателю колхоза П.М. Черепанову за заботу о них.

Закончилась война, но очень нелегко было восстанавливать, поднимать хозяйство в стране. Но сознание того, что мы победили, выстояли, надежда на лучшее помогали людям жить и работать. Ведь мы, кроме того, что много работали в своем хозяйстве, помогали стране займами, посылками в освобожденные от оккупации районы. Подписывались на государственные займы, на месячную, полуторамесячную зарплату – учителя, медики.

В военные и послевоенные годы мы не знали выходных, и кроме того, работники школы, медики, воспитатели детских домов работали ночью на молотье. За это никаких расчетов с рабочими, все шло как воскресники, субботники – патриотические действия на пользу колхозу, а стало быть, и Родине.

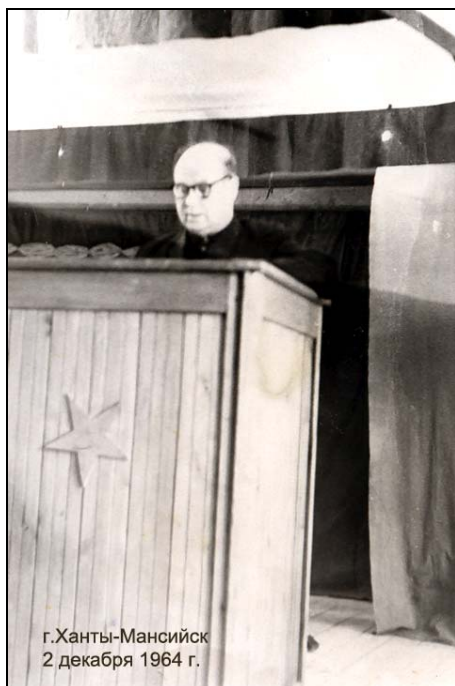
В 1951 году укрупнили наш колхоз, присоединили к нему соседние маленькие колхозы: Пашенский, Леушинский, деревни Запор и Корп. Укрупненному колхозу дали новое название – «имени Мичурина». Председателем колхоза остался мой отец – Черепанов Павел Михайлович.

В 1953 году из Молдавии были высланы в наши края люди, их расселили по квартирам жителей поселка. И вот по инициативе одного молдаванина, Павла Васильевича Когольничану, был разбит фруктово-ягодный сад – несколько сортов яблонь, много малины. Сад давал колхозу дополнительный доход. Через несколько лет

молдаванам разрешили вернуться на родину, а сад долгие годы продолжал радовать колхозников своими дарами.

В 1955-56 гг. колхоз имени Мичурина одним из первых в стране и единственный в Ханты-Мансийском округе стал колхозом-миллионером и получил право участвовать на ВДНХ в Москве. Лучшие труженики колхоза: Георгий Андрианович Балахнин, Таисья Григорьевна Балахнина, Нина Семеновна Алагулова, Федосья Петровна Тарасова демонстрировали на выставке свои достижения.

Через 10 лет, 6 сентября 1961 года, колхозы со всех шести поселков, расположенных по берегу Тумана и заселенных в 30-х годах раскулаченными переселенцами, объединили в совхоз «Кондинский» и назначили нового председателя – молодого, с высшим образованием. Отца назначили директором Леушинского маслозавода, который тогда только строился. Руководил строительством и организацией всей работы директор, мой отец.

**На трибуне – директор Леушинского маслозавода
Черепанов П.М.**

На этом посту он проработал ещё восемь лет, до ухода на пенсию.

Его многолетний добросовестный труд был отмечен наградами:

1. Почетная Грамота Кондинского райкома КПСС в связи с 25-летием на посту председателя колхоза им. Мичурина – 1957 г.

2. Почетная Грамота Ханты-Мансийского окружкома КПСС в связи с 25-летием на посту председателя колхоза им. Мичурина – 1957 г.

3. Почетная Грамота Кондинского райкома КПСС за активное участие в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 30-летием Ханты-Мансийского округа – 1960 г.

4. Занесение в Книгу Трудовой славы Ханты-Мансийского округа за самоотверженный труд в достижении наилучших показателей в работе по выполнению 7-летнего плана – 1960 г.

5. Знак «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР» – 1960 г.

6. Почетная Грамота Тюменского областного производственного управления молочной промышленности и Тюменского обкома профсоюза пищевой промышленности – 1966 г.

7. Занесение в Книгу Почета совхоза «Кондинский» за долголетний труд по развитию сельскохозяйственного производства – 1967 г.

8. Занесение в Книгу Почета Ханты-Мансийского маслосеменоводческого комбината – 1968 г.

9. Медаль «К 100-летию Ленина» – 1970 г.

10. Медаль «Ветеран труда» – 1979 г.

У нас была большая и дружная семья. Родители воспитывали в нас уважение к труду.

Три старшие дочери Павла Михайловича – Ангелина, Тамара и Анна, – получили педагогическое образование и всю трудовую жизнь проработали в школе.

Сын Николай начал работать подростком, ушел на фронт и погиб в 1944 году.

Сын Юрий также работал в колхозе с малолетства. Когда подрос, закончил курсы механизаторов и работал сначала трактористом, затем старшим мотористом на колхозной электростанции, механиком, кузнецом.

Дочь Маргарита – зоотехник, закончила Омский сельскохозяйственный институт.

Дочь Ия – экономист, также с высшим образованием.

Дочь Роза всю жизнь проработала бухгалтером в Леушинском рыбкоопе.

Сын Михаил трагически погиб из-за несчастного случая во время работы на совхозной электростанции.

Мы, его дети, как и наш отец, тоже любили и любим землю, ведь детство наше прошло на колхозных полях, и даже сейчас, несмотря на накопившиеся годы, с удовольствием возимся в своих садах и огородах.

Уже давно нет моего отца в живых, а люди помнят его. Светло помнят, по-доброму.

Семья Черепановых, породнившаяся с Карфидовыми. 1948 г.

Слева направо:

стоят: Карфидовы Юрий Петрович, Ангелина Павловна;
Черепановы Анна, Тамара, Юрий.

сидят: Черепановы Павел Михайлович, Мария Дмитриевна;
Карфидовы Мария Никитична, Петр Семенович.

впереди: Черепановы Миша, Ия, Рита, Роза.

8. Школа

Уже в 1931 году в только что построенном домишке начала работать школа – 4 класса. Первой учительницей была 18-летняя девушка Елесина Таисья Николаевна. Энергичная, жизнерадостная, инициативная, всеми уважаемая.

Затем приехала ещё учительница Александра Николаевна, это уже в 1932-33 учебном году. Из ссыльных учительницей стала Людмила Александровна Осинцева.

Школа в поселке размещалась в таком же плановом домике. Там была убрана капитальная стена, так как это же здание по субботам было клубом: сцена и зрительный зал. На сцене в первую смену учился 1-й класс, где начала учиться и я, в зале – 3-й класс. Во вторую смену, соответственно, 2-й и 4-й классы. Помню, как на доске я написала слово «чашка» через «я». Меня учительница Людмила Александровна поправила. С тех пор знаю, что «ча»-«ща» пишутся через «а».

В субботу школьные столики (парт не было) выносились, ставили скамьи – для зрителей. Под руководством Таисьи Елесиной в клубе каждую неделю ставились концерты. Сама она была замечательной артисткой, прекрасно пела и умела организовать молодежь.

А через два года – к 1934-35 учебному году, – построили специальное здание для школы. Четыре классных комнаты, две комнаты для учителей, кухня, зал. В 3-й класс я ходила уже в новую школу.

Был такой порядок: каждый вечер перед сном коллективные прогулки строем с песнями, затем шли на горку, катались, и по домам. Для такого катания были специально сделаны большие сани, куда сразу садились 10-15 ребятишек, и учителя с нами.

В школе работали кружки:

- ЮВБ (юный воинствующий безбожник);
- ЮВС (юный Ворошиловский стрелок);
- ГСО (готов к санитарной обороне);
- драмкружок;
- хоровой кружок;
- физкультурный.

Школьников, окончивших четыре класса, в Леушинскую школу не принимали, как детей ссыльных. Они должны были учиться в 5-м классе в поселке Ягодный (там была школа-семилетка), а это примерно в 40 километрах от нашего посёлка.

Сестры Черепановы.

Слева направо: Тамара, Ангелина, Анна.

Фото Шадрина В.А., 1937 г.

А мне повезло, осенью 1936 года открыли в нашей школе 5-й класс. Директором школы был назначен Пузаков Петр Сергеевич.

Но на следующий год в Лиственничной школе снова оставили 4 класса, а нас, учеников пятого, шестого и седьмого классов, приняли в Леушинскую школу. А по окончании семилетки учились в 8-9-10-м классах в Нахрачинской средней школе. До 1939 года это было только для местных уроженцев, потому что детей спецпереселенцев не отпускали учиться после семилетки.

Утром, а чаще в обед, на вторую смену, мы бежали в Леуши. Чаще всего ходили по «маленькой дорожке» (так называли

тропинку по берегу Тумана и реки Ах от Лиственничного до Леушей), кто с сумкой из мешковины, кто с деревянным ящичком.

Зимой с этим ящичком было интересно. На нем, сидя, съезжали с горы, конечно, не без того, чтобы перевернуться. Бывало, и ушибались, и пачкались, но в 13-14 лет эти беды нас

**Черепановы Павел Михайлович и Мария Дмитриевна
с младшими детьми.**

Слева направо: Анна, Маргарита, Ия, Тамара.

Фото Шадрина В.А., 1941 г.

не останавливали.

А весной и осенью, когда дорога в низких местах была очень грязная или даже залита водой, мы разувались, а перейдя грязь, снова обувались.

Зимой ходили из школы по большой дороге, нас на обратный путь собиралось человек до 30. Вот было весело! Иногда этот

пятикилометровый¹ путь занимал часа полтора. И мы, вывалянные в снегу, веселые, довольные, являлись домой.

В пургу, в мороз, по колени и выше в снегу обязательно шли в школу. Бывало, в мороз приходим в школу, а нам говорят:

– Сегодня из-за мороза занятия отменяются, – и мы пускаемся в обратный путь.

В Леушах я закончила 6-й и 7-й класс.

В 1939 году начала работать школа-семилетка в Лиственничном. Директором школы был Зубехин Иван Прокопьевич. А когда Зубехин ушел на фронт, его заменил Калябин Григорий Федорович. Я в этой школе не училась, так как мне надо было идти уже в 8-й класс. Как раз в это время был отменен запрет для нас – детей спецпереселенцев, – продолжать учебу после 7-го класса.

Вид на реку Ах с берега около МТС.

Фото Карфидова С.Ю., 1989 г.

¹ Школа в с.Леуши располагалась в центре села. От того места, где сейчас находится Леушинская школа, нужно было пройти лесом до МТС (машинно-тракторная станция), пересечь МТС, пройти через поле до Леушей и потом до школы.

9. Нахрачи

В 8-й класс поехали в Нахрачи на пароходе. В то время до Нахрачей ходил пароход «Храбрый». Топливом для парохода были обыкновенные дрова, но расходовались они так, что по пути приходилось делать одну, а то и две остановки – пополнять запас дров. Пароход причаливал к какой-нибудь деревушке, и все пассажиры должны были высаживаться и идти таскать и грузить в трюм заранее припасенные дрова. Однако работа по погрузке дров была нелегкая, и нам, девчонкам-восьмиклассницам, было непросто. Помню, однажды перед очередной остановкой рядом со мной сел Аристов Николай Федорович. Он был обут в большие сапоги и, как бы нечаянно, наступил на край подошвы моего ботинка, и подошва оторвалась. Когда дали команду высаживаться за дровами, Аристов сказал:

– Куда она в такой обуви, без подошвы? Пусть сидит на пароходе.

Так я избежала этой тяжелой работы. Ботинок Николай Федорович мне потом подремонтировал, конечно.

За учебу платили 150 рублей в год. В то время это была немалая сумма, и не все родители смогли дать детям среднее образование.

Жили мы в общежитиях. Для общежитий было выделено два дома. Одно общежитие целиком занимали школьники с поселка Лиственничный, в другом жили ребята с поселков Ягодный, Мало-Новый и других. На каникулах не все, но многие хотели побыть дома. И мы пешком пускались в этот путь, говорили, километров 110-150. Мы преодолевали его за три дня. Ночевали на постоянных дворах. Зимой дни короткие, и приходилось иногда уже в темноте добираться до деревни.

Однажды мы собрались идти из Нахрачей на зимние каникулы втроем: Шура Седых с Ягодного, Фаина Вайман из ленинградских блокадников и я. В это время в Нахрачи пришел обоз из Лиственничного, и ямщики предложили нам взять одну лошадь, чтобы не идти пешком. Не успели отойти от Нахрачей, как обнаружилось, что лошадь идти не желает. Насобирав клочков сена с дороги, мы подманивали лошадь на несколько шагов, и она снова останавливалась. Намучившись таким образом, мы все-таки добрались до деревни Катмыш. К счастью, тут нас нагнали уже

возвращавшиеся домой из Нахрачей наши обозники, и строптивая лошадь сразу бодро зашагала в обозе.

Обратно, побыв дома несколько дней, шли пешком. Перед той же деревней Катыш мы потеряли дорогу, сбились с пути в темноте. А так как у меня была куриная слепота, и я после заката солнца становилась слепой, девочки меня оставили на месте, а сами пошли одна влево, другая вправо, кто найдет – крикнет, позовет к себе. Шура нащупала ногами плотную дорогу, и мы пошли к ней.

В Катыше хозяйка постоялого двора не хотела нас пускать, так как в районе была эпидемия тифа. Мы ее еле-еле уговорили пустить нас. В маленьком помещении была железная печка и немного дров. Хозяйка сказала, что мы должны уплатить за ночлег по одному рублю. По тем временам рубль много значил. Хозяйка ушла в соседнюю комнату, предупредив нас, что эти дрова приготовлены на утро. А мы, не снимая пальто, всю ночь просидели у печки. И, конечно же, полено за поленом сожгли все дрова. Утром, боясь, что нам за дрова попадет, мы собрались уходить. Но сначала зашли к хозяйке, она под тремя одеялами спала, отдали три рубля и пошли, довольные тем, что от наказания за дрова убежали. Долго смеялись над этим. И ничего, что поспать не пришлось.

А вот другой случай, совсем не смешной. Моя сестра Тамара однажды зимой возвращалась из Нахрачей в Лиственничный. Сначала пошли вдвоем, с ней шел какой-то парень, который дошел до своей деревни и остался там, а Тамара пошла дальше одна. Переходя по занесенной снегом дороге какую-то речушку, она не заметила промоину во льду, и провалилась. Что делать? Вокруг никого, кричи – не кричи. Тамара выбралась из промоины и пошла, мокрая, вперед. Был вечер, до деревни, где она собиралась переночевать, еще далеко. К счастью, на берегу неподалеку оказался стог сена, еще не вывезенный хозяевами. Тамара забралась в стог и отогрелась там. К утру одежда и обувь подсохли кое-как, и она пошла дальше.

10. Война

Помню, пришел вечером с работы мой братишка Коля и сказал:

– Говорят, война началась с Германией.

Мы были на крыльце. Сумерки. Все оглянулись вокруг, не слышал ли кто его слов. Вдруг да это неправда, тогда его, моего 15-летнего братишку арестуют и заберут, как паникера.

Но на следующий день об этом уже все говорили вслух.

В 1941 году переселенцев с поселков на фронт не брали, не доверяли кулакам защиту Родины.

Но ужесточилась дисциплина в колхозе, и до того строгая. Говорили о войне вполголоса, по слухам, радио было лишь у коменданта.

Переселенцев начали брать на фронт только с 1942 года. За годы войны на фронт только из Лиственничного ушли 150 человек. 74 из них погибли.

Памятный стенд на стене клуба пос. Лиственничный.

Фото Карфидова В.Ю., 1966 г.

В конце учебного года, в мае 1943 года, я проводила своего дорогого братика Колю на фронт. И все. Даже письма наши все шли обратно. Почему-то у него все время менялся адрес, то есть номер полевой почты. А потом пришло письмо от его командира. И у нас погасли все надежды на Колино возвращение. Спасибо

командиру, он со всеми подробностями описал последние минуты его жизни. Мой брат погиб 21 февраля 1944 года.

Черепанов Николай Павлович.

Рисунок. Автор неизвестен.

А в колхозе вся мужская работа легла на плечи женщин, стариков и детей. Такие старички как Василий Петрович Кривоногов. Михаил Васильевич Лебедин дневали и ночевали в поле. Встали за плуг Апполинария Георгиевна Ермакова, Нина Андриановна Карабашева, Евдокия Дмитриевна Усынина, Ольга Гавриловна Чернавских, которая затем освоила трактор и до конца войны работала трактористкой.

Колхозу увеличили план посевной. Прибавился план по заготовке леса. Оставив семью, уходили молодые девушки, матери в лес. 40 конных подвод и 40 возчиков выставило хозяйство на лесозаготовки, и лишь двое из них были мужчины.

Двужильными казались тогда люди. На покос шли женщины и старики, на трактора – наскоро подготовленные на курсах трактористки, на сплав леса – женщины и лишь 1-2 мужчины,

которые по возрасту, либо по состоянию здоровья не попали на фронт.

Мы, школьники старших классов, работали наравне со взрослыми.

Занятия в школах начинались с 1 октября. В 1941 году нас классами отправили по колхозам на уборочную: копали картошку, жали зерновые, помогали на покосе.

А в 1942 году мы оставались в своих колхозах до 1 октября, то есть до начала занятий. Из нашего колхоза нас отправили еще в июле на Дальние Гари (так называли колхозные угодья за Запором). Выдали нам обувь – лыковые лапти и предупредили: «Берегите!» Ну что ж, хорошая обувь. Идешь по мокрому лугу, вода в лапти зайдет и выйдет, и мы шутили, что весь день с сухой ногой. Там в бараке все лето жил дедушка Грачев, который занимался изготовлением этой обуви. Отправили нас на берег Конды, там мы построили балаганы, в которых жили до самых холодов.

Бригадиром у нас был дядя Миша Лебедкин, пожилой человек, очень добрый. Когда высыхало накошенное нами сено, начинали его сгребать, а мальчишки возили копны. Дядя Миша с подручными ставил стога. А если ненастье, помню, заглядывает к нам в балаган:

– Девчонки, сегодня грести нельзя, будем косить.

Идем косить, несмотря на то, что весь день моросит. Надо сделать норму – по 30 соток¹ на каждого.

Трудно, но надо – время военное, нельзя не выполнить норму. Но ведь солдатам-то нашим на фронте не легче. Нам тяжело, но ведь нас не бомбят, по нам не стреляют. Закончив косить, идем к балаганам, ставим литовки² и бросаемся в воду. Благо Конда у самых балаганов. Холодная вода освежает и снимает усталость, а мы смеемся и шутим.

Самым ловким пловцом был Вася Смирнов. Как интересно он бултыхался в воде. Он и сейчас с улыбкой вспоминает эти наши развлечения. Моторист Павел Томшин, все его звали Павликом, привозил нам продукты на колхозном катере. И вот кончился хлеб, а катера почему-то нет. В тот день на завтрак, обед и ужин была лишь овсяная каша, которая, как всегда, была сварена на воде и

¹ Сотка = 100 кв.м.

² Косы.

А.П. Карфидова на покосе.
Фото Карфидова В.Ю., 1965 г.

без масла. А теперь еще и хлеба нет. Ну что ж, поели и за работу. Голодновато, а кто знает, на фронте-то всегда ли сыты наши солдаты.

Однажды прошел катер, который вез очередную группу мужчин на фронт. Они машут нам руками, а мы им.

– Возвращайтесь скорее! – кричали мы, кто тогда мог подумать, что война продлится так долго.

Был погожий денек, хорошо поработали, очень устали.

– Дядя Миша, давайте заканчивать, устали.

– Вот еще один стог надо поставить, и будем отдыхать, – ответил он.

В сентябре ночуем в бараке, поэтому, закончив работу, бежим к лодке (ехать к барaku), но все бросаемся в воду, опять смех, шутки.

– А говорите, что устали, – удивился дядя Миша.

– Верно, устали, но вода освежила, сняла усталость.

Взялись за весла и поехали, а это километра два.

В то время на лугу спокойно паслись колхозные кони. Ребята брали их для подвозки копен к стогам. А как хотелось просто

покататься верхом на коне, но дядя Миша не разрешал. И мы шли на хитрость. Оставляли грабли подальше от стана, будто бы забыли.

– Дядя Миша, я грабли забыла. Можно съездить?

И он разрешал. Какое удовольствие было мчаться по лугу верхом на лошади во весь опор!

Вот заканчивается сентябрь. А в конце месяца выпал ранний снег. Мы на лодке по Конде, затем по Аху, по Туману добрались домой. На днях придет пароход «Храбрый», и мы поедем в Нахрачи в школу, в 9-10 классы.

А мальчишкам весной на фронт. Василий Смирнов дорогами войны с пехотным полком прошел до самого Берлина.

Да, война. Много горьких слез пролили, но перед всеми невгодами выстояли. Верили люди: придет долгожданная победа, стремились работать так, чтобы как можно больше помогать фронту. Собирали на фронт посылки с теплыми вещами: шубы, валенки, рукавицы, носки, шапки. Но дороже всего были письма, написанные матерями, женами.

Стога сена на берегу Тумана.
Фото Карфидова В.Ю., 2003 г.

Вышивание – мое увлечение с детских лет.

11. Его величество – Труд

Труд создал Человека – всем известная фраза. По-разному люди смотрят на труд: кто-то любит труд и не может жить без труда, кто-то с пренебрежением относится к труду, выражаясь, мол, дурака работа любит; кому-то просто недоступен труд, это так называемые безработные. Откуда появились эти безработные? Неужели на земле нет дела, к чему можно приложить руки?

Помню, что в 7 лет мне показали вязание на спицах. Как я была рада, когда увидела, как что-то получается в моих руках!

По окончании 1-го класса я должна была ходить на работу в колхоз. Так я вместе с другими детьми ходила обивать пни от земли на раскорчевке, ходила заготавливать березовые веники для колхозных овец на зиму.

Летом школьников отправляли на прополку зерновых, травы было много, некоторые поля пропалывали дважды. Берешь с собой бутылку молока или чаю, кусок хлеба – и в поле на весь день. Работали, несмотря на жару, на комаров и мошек.

Отправляли нас полоть поля на Гари, где мы несколько ночей спали в бараке, на досках, подстелив под себя пиджачок, платком укроешься, его же и под голову.

Школьники же поливали капусту, уходя на работу очень рано утром и ещё вечером. Школьники окучивали картошку, где норма была десять соток на трудодень. Я никогда не могла выполнить такую норму и часто брала с собой на работу помощников, братишку и сестренку, которые были меня моложе.

После 6-го класса отправляли школьников на покос.

Всю осень, пока шла уборка картофеля, овощей, школьники после уроков всем классом вместе с учителем шли на работу. Уроки готовили дома при лампах.

Осенью хлеб убирали серпами, позднее – жатками. И я с мамой ходила жать. Свой первый сноп я нажала, когда мне было 8 лет, потратив на этот сноп целый день. Домой возвращались уже в темноте.

В нашей большой семье всегда находилась работа по силам даже самым маленьким. Все выходили на свой огород окучивать картошку, и самым младшим, 6-летним, тоже был указан участок в несколько гнезд. Они тоже были горды, что и они работали.

Было время такое, когда я была в доме самым главным работником, в свои 20 лет, так как отца арестовали, мама болела.

Мой верный помощник был мой братец Юра, которому было 10 лет. Мы ехали с ним вдвоем в лес, в лесу спиливали сухару¹ двуручной пилой, обрубали сучья, заваливали дерево комлем на дровни, привязывали его и везли домой, иногда на лошади, иногда на быке. Дома распиливали на чурки, кололи, и поленья несли домой. Этого дерева хватало иногда дней на 4-5, затем снова надо в лес.

Сухара.

Фото Карфидова В.Ю., 2003 г.

А Юре часто приходилось одному дома пилить дрова двуручной пилой. Не жаловался. Понимал, что надо.

Ездили мы с ним зимой и за сеном за Туман. Лошади худые, слабые были. Идет-идет наша лошаденка и встанет. Опять понукаем. Братец мне и говорит:

– Ты хоть бы шапку надевала, а то лошадь-то видит, что баба, вот и не слушается.

На лугу разгребаем снег вокруг нашего стога, ногами протаптываем дорогу для лошади, ставим сани к стогу. Юра

¹ Сухара – засохшее дерево.

принимает сено на воз, я ему подаю. Затем воз затягиваем веревкой и в обратный путь. Бывало, воз опрокинется на повороте, надо заново перекладывать. Дома опять нам с Юрой надо это сено прибрать на место.

Но работать-то он начал много раньше описываемых событий. Это было во время войны. Лето 1942 года. Я и семеро моих сверстниц работали на покосе за Запором. Наши балаганы стояли на берегу реки Конды. Бригадиром был очень добрый человек, Лебедкин Михаил Васильевич – дядя Миша. Продукты с поселка нам привозили на катере. И вот захотелось моему братику Юре прокатиться на катере, повидаться с сестрой (со мной). Родители разрешили ехать, хотя он был ещё дошкольником. Там ему бригадир предложил возить копны:

– Юрка, хочешь на лошади покататься? Айда копны возить!

Поездить верхом на лошади было заманчиво. Стал Юра возить копны. И когда соскучился по семье, уехал домой, но бригадир попросил вернуть его обратно.

Так получилось, что я заболела, и меня увезли на том же катере домой. Юра в это время был занят своей работой, и я не смогла сказать ему, что уезжаю. Когда дня через три я вернулась, он мне не сказал ничего, и только через много-много лет, когда у нас у обоих уже были внуки, вдруг спросил:

– А как ты меня тогда на покосе бросила одного, помнишь?

Я с трудом вспомнила, спросила:

– А ты без меня плакал?

– Плакал.

Отец мой был председателем колхоза, и, отправляя школьников на работу, он в первую очередь отправлял своих детей.

Так, летом 1943 года, когда Юра уже закончил 1-й класс, его отправили на покос за Воевланку¹, без родных, с чужими людьми. Через какое-то время ему стало тоскливо, и он захотел домой. Вечером, после работы – чтобы не сразу хватились, – убежал, пошел пешком домой. Переплыл какую-то речку, утром пришел на поселок. В это время папа заехал домой позавтракать (из дому он уходил затемно, не завтракая), увидел сына:

– Ты почему здесь?

Тот опустил голову, молчит.

¹ Речка за Туманом.

– Давай собирайся, сейчас пойдет лодка с рабочими, с ними уедешь в свою бригаду.

Бедный Юра убежал за стайку¹, стоит, плачет. Мы с сестрами чуть не плачем сами, жалко братика, а что делать? Полезли в кухонный шкаф, где у нас лежали те небольшие копейки, которые удавалось заработать продажей картошки или молока, нашли сколько-то монеток. Сбегали в магазин, купили граммов 200 конфет-подушечек, приносим ему:

– Юрочка, мы тебе конфет купили, возьми!

Взял, заулыбался, слезы перестали течь.

– Теперь поедешь?

– Теперь поеду.

Так и пришлось ему с этих пор работать в колхозе каждое лето, и даже иногда во время зимних каникул приходилось где-то на ферме что-то возить на лошадях.

И все мои сестренки и братишки, как только дорастали до первого класса школы, уже начинали работать в колхозе всё лето. Как-то все понимали, что работать надо.

Вот так приучались к труду.

Мои братья – Михаил и Юрий.

Ок. 1960 г.

¹ Постройка для содержания домашнего скота (*суб.*)

12. Прощай, школа

В 9-м классе мне пришлось проучиться два года. Подвела алгебра. Почему-то у меня с 4-го класса не сложилось с арифметикой, я даже иногда ждала отца с работы, чтобы он помог мне приготовить домашнее задание по математике. А вот оставшись на второй год в 9-м классе, я от злости на себя взялась за эту несчастную алгебру и перерешала все задачи в учебнике. И в 10-м классе у меня не было с математикой никаких проблем.

10-й класс Нахрачинской школы я закончила в 1943-м году. В 9-м и 10-м классах у нас по субботам были только военные уроки:

- 2 часа – строевая подготовка;
- 2 часа – санитарная подготовка;
- 1 час – противовоздушная и химическая оборона;
- 1 час – телефонное дело.

Два раза в месяц дежурили по 12 часов в больнице.

Нас готовили на фронт. По окончании школы добровольно ушли на фронт Иванова Нина, Писяева Ира, Пряничникова Валя – все они погибли на фронте. Я ехала домой из Нахрачей с таким же намерением – идти добровольцем на фронт. Но тут заплакала моя мама:

– Коля там, вернется ли он, да еще ты!

Тогда я решила идти учиться в институт, и учителя Нахрачинской школы наказывали мне поступать в институт – в те годы окончивших школу на «4» и «5» принимали без экзаменов. Но и в институт не пошла – мои родители стали возражать.

И я осталась дома. Месяц работала звеньевой на прополке хлебов с ленинградскими ребятами. Затем, пройдя месячный курс подготовки на наблюдателя метеостанции, с 10 октября 1943 года начала работать там. Метеостанция тогда считалась военным объектом. Метеосводки шифровались. Продуктами обеспечивались работники метеостанции лучше, чем все остальные (хлеб – 700 г, сахар, шоколад и т.д.).

И тогда же, с 10 октября, меня попросили работать в школе за Калябину – она пошла в декрет. Два месяца я работала на двух работах, совсем мало спала. Очень устала, но в школе мне больше нравилось, чем на метеостанции. На метеостанции – ночные дежурства, с фитильком на столе, который зажигать можно было

лишь на обработку данных наблюдений. Я решила работать в школе, подала в Омский Гидрометцентр заявление об увольнении. Ответ пришел лишь в октябре 1944 года, меня уволили, но школы к тому времени были уже укомплектованы на очередной учебный год. Я осталась без работы, без хлебной карточки. А главное, папу моего в октябре посадили на 4 года, якобы за невыполнение какого-то плана. Тогда была какая-то очередная кампания по поискам «врагов» – посадили не только моего папу, но и еще нескольких председателей колхозов – всех за одно и то же – «невыполнение плана». Через два года папу признали невиновным, освободили и снова назначили председателем того же колхоза. А пока вся семья оставалась на моем иждивении, а тут я оказалась без работы. Да еще мама заболела. От колхоза давали на всех ребятишек по 2 кг муки на декаду. И урожай картошки в том году был плохой, так как огород весной не пахали, а ребятишки вскапывали лопатками. Что делать? Семья, без меня и папы, – 9 человек.

Пошла в леспромхоз к директору. Он посмотрел мой аттестат – единственный в то время документ, и сказал:

– А ведь ты у нас не удержишься.

– А куда ж мне деваться? У меня безвыходное положение.

Только я его попросила не отправлять на дальние участки – не могу оторваться от семьи. И он отправил меня на Устье-Аха помощником бухгалтера. Я там проработала два месяца, каждую субботу бегом домой, т.к. в выходной день надо съездить в лес за дровами или за Туман за сеном.

13. Ленинградцы

В августе 1942 года привезли на Конду эвакуированных из Ленинграда детей. Открыли детдома в Лиственничном и Ягодном. Директор Мария Ткачук, завуч Антонина Старкова и все воспитатели, чьи фамилии я не помню, были из этого города. Педагоги, как родители, опекали своих воспитанников.

– Наша задача, – говорили они, – ни одного ребенка не потерять в Сибири.

Колхозники встретили этих истощенных и замученных ребятишек как своих родных. Все лучшее из хозяйства – молоко, мясо, яйца, овощи – старались отдать им. В сентябре дети пошли в школу. Две девочки – Элла Бронтман и Фаина Вайман – поехали учиться в Нахрачи в 10 класс.

Летом ленинградские ребятишки работали на прополке хлебов. В 1943 году, окончив школу, я целый месяц проработала звеньевой одной из групп ленинградцев. Всему научились городские мальчишки и девчонки!

Однажды в субботу, в декабре 1944 года, когда я уже почти два месяца работала в леспромхозе, мама мне сообщает, что завуч детдома сказала ей:

– Пусть ваша дочь зайдет к директору детдома, нам нужен воспитатель.

Я сразу же подала заявление директору леспромхоза на увольнение. Уволилась. Прихожу к директору детдома, а она посмотрела на меня и говорит:

– Нет, нам не нужны воспитатели.

И вот я опять без работы.

Мама снова пошла к завучу, та сказала:

– Ваша дочь просто своей внешностью, молодостью не вызвала доверия у нее. Пусть идет снова, просит принять. Нам нужен воспитатель!

Я пошла опять. На этот раз директор сказала:

– Ну, хорошо, давайте посмотрим, что получится.

А у меня все получилось.

Я стала работать в детском доме с 20 декабря 1944 года. Теперь у меня была хлебная карточка. Ко мне прикрепили двух иждивенцев, то есть дали еще две хлебные карточки

на неработающих членов семьи. И еще из детдома им давали ежедневно обед на двоих. Мои сестренки ходили с котелком в детдомовскую кухню за этим обедом, правда, делить его приходилось не на двоих, а на всю большую семью.

Мне дали группу мальчиков 1-3 классов, но общаться приходилось со всеми. Самым младшим в моей группе был Славик Кочетов, ему исполнилось уже 9 лет, но учился он в 1-м классе. В блокадном Ленинграде учебные заведения не работали, и ребяташки отстали от сверстников на год-два. Его 15-летний брат Олег ходил в 6-й класс, был очень умным, рассудительным, способным к учебе мальчиком. Мама их умерла за год до эвакуации. Вот что рассказывал Олег:

– У мамы было большое сердце, она могла спать, лишь сидя в кресле. Однажды, когда она почувствовала себя лучше, повела меня к зданию Ленсовета и сказала: «Если со мной что случится, идите со Славиком сюда». Как-то утром, проснувшись, я окликнул маму, но она не ответила. Я вскочил, схватил ее за руку, а она холодная. Закричал: «Славка, мама умерла!».

Поплавав, мальчики крикнули в форточку проходящей мимо женщине:

– Тетенька, у нас мама умерла!

Она им ответила:

– Что поделаешь, дети, не у вас одних.

Затем пришли мужчины из похоронной команды и унесли покойницу. Олег взял Славу и пошел в Ленсовет. Там их отправили в детдом...

В Лиственничном ребяташек разместили в двух зданиях – клубе и колхозной конторе. В первом – 4 группы мальчиков, во втором – 3 группы девочек, там же кухня, столовая, склад для продуктов и одежды. Воспитатели жили по квартирам селян.

Дети постоянно вспоминали свой Ленинград. Я никогда ни о чем их не расспрашивала, чтобы не волновать лишний раз, а только прислушивалась к их разговорам. Они рассказывали, как тушили на крышах домов немецкие зажигалки – бросали их в ящики с песком. Как с мамами ходили на Неву за водой. Мальчик Костя вспоминал, как папе удалось раздобыть где-то столярный клей, из которого мама сварила кисель:

– Хорошо поели, только от него, говорят, кости слабеют.

Тамара Храпкина часто плакала, ложась спать.

– Ты что, Тамарочка?

– Маму вспомнила.

Погладишь ее по головке и все, что тут можно сказать?

Надо было как-то отвлекать эти детские настрадавшиеся души от тяжелых дум. Ребята часто просили что-нибудь им рассказать. Я по возможности старалась больше читать, чтобы было потом, что пересказать. Но интересную книжку найти было непросто: библиотека не работала, а в домах мало у кого они были.

Это сейчас нельзя себе представить жизнь без телевизора и компьютера. А тогда даже радиоприемник был один на весь поселок – у директора школы. По выходным в столовой устраивали танцы под патефон. Интересно было наблюдать, как 9-летний Славик приглашает на танец свою сверстницу Верочку Калачеву

Бывшая артистка Розалия Владиславовна готовила с ребятами чудесные концерты. Столы выставляли на улицу, на скамьи стелили сценический настил, заносили с улицы лавочки. Все население поселка приглашалось на эти мероприятия, конечно же, всегда бесплатно.

Ленинградские детишки отличались культурой поведения. Я не помню ссор, тем более драк. Старшие всегда наставляли младших:

– А ты подумал, что о нас будут говорить, когда мы уедем? Не позорь ленинградцев.

Учились дети очень добросовестно. Двойки считались позором. Конечно, плохие отметки были, приходилось дополнительно заниматься со слабенькими, но педагоги помогали преодолевать все сложности. После окончания семилетки ребят увозили в училища Ханты-Мансийска и Ялуторовска.

Я тоже училась работать с детьми. Благодарна тем ленинградским педагогам, которые могли правильно и ненавязчиво подсказать, как надо поступать в том или ином случае. Я ставила перед собой цель – никогда не раздражаться, не показывать этого детям, ведь они из тех, кто пережил бомбежку, смерть родных, голод, болезни. Любила их всех как родных и проводила в детдоме не шесть рабочих часов, а все 12, бывало и больше. Не хвальнось, скажу, что ребяташки меня уважали.

Чем-то надо было заполнять досуг. Играли в шашки и шахматы. Двое сражаются, остальные – вокруг стола. Помню, была эпидемия гриппа. Школа не работала, нельзя было ходить из одного здания в другое. Но ведь окна-то через дорогу! Ребята

придумали связь, заработала своеобразная азбука Морзе: точка – кружка, тире – свернутая в трубочку промокашка. Всем понравилось это развлечение и такой способ общения.

Одежды у ребят было на две смены: клетчатые платица у девочек и костюмчики цвета хаки у мальчиков. Когда износились их ботинки, по решению правления колхоза зарезали двух или трех колхозных коров, и местные умельцы выделали кожи и сшили «обутки». Дети их очень берегли, сушили, смазывали дегтем. Все старались выглядеть подтянутыми и опрятными.

Поселок Лиственничный. Улица Комсомольская.

Фото Карфидова В.Ю., сентябрь 2008 г.

Особая забота была – питание детдомовцев. Хоть порции, которые они получали, были и не блокадные 125 граммов, но все-таки это была неполноценная пища. Суп с неочищенной, в целях экономии, картошкой, хлеб – 400 граммов на день, – развешанный очень точными порциями. Совсем ослабленным давали «усиленное» питание: по 20 граммов масла на завтрак, вместо обычных 10 граммов. А к воскресному ужину все получали по булочке.

Вечерами, когда я была дежурной, укладывала спать все группы, и они просили:

– Приходите к нам.

Шла туда, кто первый звал. Когда позади оставались все дневные дела, ребята расслаблялись и начинали откровенничать.

Я очень быстро подружилась со всеми мальчиками и девочками. Дети воспитанные, умные, ко мне относились добродушно, даже помогали в трудных случаях:

– Ангелина Павловна, Вы идите, мы сами разберемся.

Я знала, что драки не будет. Ребята стояли за честь звания ленинградцев.

9 мая 1945 года, когда я была дома, забежали несколько девочек с красным флагом:

– Ангелина Павловна, война кончилась! Домой, домой!

Затем был митинг у школы, где собрался весь поселок, у всех на глазах слезы радости, надежды и горести. Ребятишки возбужденно кричали:

– Домой!

Но были и те, кто стоял с поникшей головой – сироты. Вот Нина Лебедева:

– А у меня там никого нет, никто меня не ждет.

Они уехали в начале июля. Я провожала их до Нахрачей. Утром перед прибытием я вышла на палубу и села на скамейку. Тут подбежал мальчик – четвероклассник Ленечка Горохов, – и обнял меня, я посадила его к себе на колени. Поднялась на палубу воспитательница, упрекнула его:

– Ленечка, ты что?

А он прижался ко мне:

– Антонина Васильевна, ведь в последний раз!

Пароход пристал к берегу. Минуты расставания. Все ребятишки подбегают ко мне, а я плачу, будто родных провожаю. Люди недоумевают:

– Кого она провожает, так рыдает?

Пароход пошел дальше, дети махали руками, подбрасывали вверх пилотки...

Так мы расстались. Писем не было. Но я ребят понимаю. Пока адаптировались в новых условиях, кому как пришлось, а потом и боль расставания приутихла. Но, конечно же, не смогли они забыть о своей жизни в сибирском поселке, в Лиственничном детдоме. В мае 1984 года ленинградские бывшие воспитанники по всесоюзному радио прислали моему отцу музыкальный привет и благодарность за его заботу о них в детдоме. Исполнили его

любимую песню «По диким степям Забайкалья». Об этой передаче нас заранее предупредила бывшая воспитанница Ирина Ландман.

В 1990-м приезжала Лида Голубева. Мы с ней прошли по всему поселку, она вспомнила свою детдомовскую жизнь, даже лошадь Голубку, закрепленную за ней. Здания того уже не было, но она постояла на том месте, где была их комната. Затем сорвала веточку с растущей березы и взяла ее себе на память. Зашли мы и в школу. Учителя собрали детей в один класс, а Лидия Николаевна рассказала им о ленинградской блокаде. Все с большим интересом слушали живого свидетеля тех ужасных событий. Надо сказать, что в это время Лидия Голубева числилась в командировке в Тюмени и только на несколько часов самолетом прилетела в Лиственничный – так дорог ей был этот маленький поселок, где жила она и ее товарищи в годы войны.

**Вот и вспоминается все то,
что сумела впитать моя память.**
Фото Карфидовой Г.И., декабрь 2009 г

14. Снова детский дом

Среди ленинградских ребят в детдоме несколько лет (года два-три) жили дети-сироты наши, местные. Сколько их осталось, не помню точно – человек 8-10, но с каждым рейсом парохода они прибывали и прибывали.

Осенью 1945 года вернулся 15-летний ленинградец Толя Семенов, у которого в Ленинграде никого не осталось.

Вот и получилось, что «на базе ленинградского» образовался снова детский дом. А какова была та база? Десятка три выгоревших полотняных мальчиковых костюмов (рубашка и брюки, а под них – ничего) и столько же сереньких ситцевых платьев для девочек.

Кто-то из работников детдома принес обрывок старого половика, кто-то старый пиджак. Но это была редкость, так как за четыре года войны все пообносились.

К началу октября уже не хватало кроватей, одеял, матрацев, подушек. А детей продолжали привозить. Дети – сироты и полу-сироты, – успевшие поскитаться по белу свету и хлебнуть горя.

Мать привезла девочку:

– Примите, у меня еще двое, мне всех не прокормить.

А уходя, глядя с тоской на своего ребенка, говорит:

– Вы ведь ей дадите платье, а это я хочу взять.

Отдаем, что делать.

Бойкий мальчишка Коля Матросов, как-то оторвавшись от дома, может быть, в поисках куска хлеба, рассказывал, как взрослые воры его, худенького, маленького, подсаживали в форточку какого-нибудь дома, где в то время хозяев дома не было, и требовали что-то украсть. Сколько он бродил по свету, я не знаю. Но однажды в детдом пришло письмо – мать разыскивала сына. В конверте была и фотография. Это был наш Коля, но фамилия была другая. Спрашиваем:

– Почему же ты стал Матросов?

Он объяснил:

– Я читал про героя Сашу Матросова, который своим телом закрыл вражескую амбразуру и погиб геройски. Я взял его фамилию и всем говорил, что я Матросов.

Однажды из Тюмени привезли пятерых мальчишек, у одного из них был документ на имя Миши Прокопьева. Сопровождающий уехал, мы стали общаться с новоприбывшими, ну и называли его Мишей Прокопьевым. Он говорит:

– А я не Миша Прокопьев.

– Как?

Мальчик объяснил, что у сопровождающего в Тюмени сбежал один мальчишка, тогда он на вокзале обратился к толпе беспризорников:

– Кто хочет в детдом?

– Я хочу.

– Хорошо, ты поедешь и будешь называться Мишей Прокопьевым.

А вот настоящие его имя и фамилию теперь уже не помню.

Были дети из таких семей, где отец погиб на фронте, а мать продавец, у которой при ревизии не досчитались хлебных карточек, за что ее судили и дали год тюрьмы. Таких я помню три случая. Например, Нагибины: трое детей, самой младшей, Шурочке, было два с половиной года, ее все ребятишки любили и таскали на руках.

Итак, 112 детей – сирот, полусирот, временно оставшихся без родителей, с разными характерами, бойких и застенчивых, капризных, самовольных, некоторые не совсем здоровые. Но все они сейчас наши дети, детдомовские, и мы, воспитатели, должны дать им нормальную жизнь, научить жить в таком большом коллективе, дружить, работать, учиться.

Непросто отучить бывших беспризорников от дурных привычек (грубить, воровать, обижать малышей и т.д.). Директор Калябин Григорий Федорович говорил так:

– Надо обязательно всех занять делом, от безделья появляются дурные мысли, дурные поступки. Труд еще никого не испортил.

И вот распределили всех детей по группам, в каждой группе выбран свой староста. Каждый вечер старосты вместе с директором составляют план работ на завтрашний день, где должны быть задействованы все дети: дежурные по кухне (девочки), готовить дрова, носить воду из колодца (мальчики). А остальные – на работу в колхоз, на поля.

Одежда была плохая, да и та не у всех.

Вместо ламп стояли на столах маленькие флакончики с керосином, внутрь был вставлен фитилек из ваты, сверху –

огонек. Дежурные групп должны были каждый вечер идти к завхозу за керосином для такого освещения.

Дети садились у столов готовить уроки. Некоторые счастливики успевали занять место у топящейся печки. Дверка печки открыта настежь, и три-четыре мальчика, лежа на животах, готовят уроки. А вместо тетрадей – старые книги, газеты, в которых писали поперек печатных строк. Чернила – из свеклы, из ягод, лучшие – из химического карандаша. Чернильницы – флакончики из-под лекарств. Ручка – к деревянной палочке нитками привязано перо.

Прошел сентябрь. А вот и октябрь. Снежок, похолодание, а большинство детей – босые. Конюх запрягает быка в телегу, прыгают туда наши школьники, сверху накидываем одеяло и – поехали в школу. Благо школа была близко, метров 200, там дети ходили по классу, по коридору босиком. Кое-кто еще донашивал домашнюю обувь – те пешком шли в школу.

Несмотря на все трудности, детей настраивали на хорошую учебу, поощряли успехи в учебе, помогали слабым, проверяли готовность к урокам. Дети, неизбалованные жизнью, все воспринимали как должное. Директор детдома, районные власти старались найти решения детдомовских проблем.

Вот зимой 1946 года поступила гуманитарная помощь из Америки. Это была действительно помощь, хотя и далеко не достаточная, но все же. Девочки получили зимние пальто, одно на троих, такие же пальто и мальчикам, тоже одно на троих. И несколько теплых вязаных шарфов. Их распустили, и из каждого шарфа получилось три шапки девочкам. Причем девчонки так увлеклись вязанием, что брали эту работу на уроки и, опустив глаза под парту, давали волю рукам. Учителя нам часто жаловались на такие проделки девчонок.

Всем детям выдали по полотенцу – это куски мадепалама, нарезанные поперек полотна по 25-30 см. Девочки вышили себе и мальчикам на полотенцах инициалы. Для вышивания искали нитки из материи. Например, пришла воспитательница в новом платье, сейчас к ней вопрос:

– Анна Николаевна, а отрезки от этого платья остались?

Вот из них вытягивали нитки для вышивания.

Иголки – большой дефицит. Воспитатели приносили их из дома для временного пользования.

Через некоторое время стали давать детдому материал на платья, рубашки. Шили фуфайки местные портные, в том числе наша Тамара Павловна. А пуговицы? Это палочки длиной 2-3 см с бороздкой поперек для пришивания.

А пока не было смены платьев, рубашек делали так: идет группа детей в баню, с ними медичка наша – Рагозина Галина Матвеевна, – недавняя фронтовичка. Там, в бане, был специальный «жаркий» отдел, где одежду с ребят «прожаривали», пока они мылись. Это была профилактика от насекомых. В какой-то степени помогало.

Мы, воспитатели, ставили такую цель – приучить детей к тому, чтобы, выйдя из детдома, они не растерялись в самостоятельной жизни.

Завуч, Карфидова Мария Никитична, педагог с опытом, внушала нам, что в каждом ребенке есть что-то хорошее, может быть, какой-то талант. Воспитатель должен это рассмотреть, увидеть и помочь развиваться этому таланту, или просто доброй человеческой черте.

А что мы могли увидеть? Вот эта девочка с удовольствием занимается с малышами – ее ставили помощницей воспитателя дошкольной группы. Эта интересуется медициной – ее определяли на помощь фельдшеру Галине Матвеевне, в изолятор в детдоме.

Купили в детдом пианино, многие начали перебирать клавиши, подбирая музыку. Нашлись гармонисты – Миша Молчанов, Толя Ильиных, и за ними тянулись другие.

У старших девочек были подшефные мальчики и девочки из младших групп, нужно было следить за их одеждой, поведением.

По субботам поочередно все группы выступали с концертами, ставили пьесы, читали стихи, исполняли песни.

Девочки иногда как бы подытоживали свои возможности: все ли я сумею делать, если придется жить самостоятельно.

Многого еще в детдоме не хватало. Колоть дрова – шли за топором к местным жителям, также и за ведрами, чтобы наносить воды на кухню, в баню. Никто в поселке в помощи детдомовским не отказывал.

Помню такой случай. Был у меня выходной день, и я не сходила в детдом. Моя группа – девочки 14-15 лет. Прихожу после выходного в группу, девчонки настороженно смотрят на меня. Ждут моей реакции. Пригляделась вокруг: они, оказывается, вчера

сделали генеральную уборку в комнате: побелили стены, потолок, все вымыли. Я была приятно удивлена.

– Мы специально не пошли к Вам ни за тазиком, ни за щеткой, хотели сделать Вам сюрприз – все сделали одни.

Раньше-то я сама с ними белила, мыла, руководила работой. А сейчас я была очень рада, и они все сияли от удовольствия, что такой сюрприз приготовили воспитательнице.

Пришел работать в детдом фронтовик Самолов Спартак Николаевич, талантливый музыкант, певец. Какой хор он организовал, подобрав мальчиков и девочек, самых голосистых!

Затем еще фронтовики: Вепрев Дмитрий Данилович, Карфидов Юрий Петрович, Овсянкин Сергей Германович. Какие авторитеты для ребят! Директор школы тоже фронтовик – Ячменев Дмитрий Степанович, его тоже очень уважали ребята.

Боевой путь и награды гвардии старшины Ю.Карфидова.

Рис. Карфидова Ю.П., гуашь, 1946 г.

Летом 1949 года наш детдом и детдом с Ягодного отправили в Нялино, близко к Ханты-Мансийску. Лет через 10 однажды в Нахречах я встретила воспитанника Федю Простакишина. Еще позднее заходила к нам Валя Неумоева. В 2000 году мне позвонила по телефону Зоя Евдокимова, после встречались несколько раз.

Андрей Уланов живет в Урае, заходил в гости раза три, потом звонил в 2002 году. О других детях ничего не знаю.

Глаза мои слабеют, но память не подводит!
Фото Карфидова В.Ю., 2008 г.

Как Павка Корчагин меня от смерти спас

Вспоминаю один случай, который рассказываю сейчас со смехом. Но тогда мне было вовсе не до смеха.

Сентябрь 1945 года. Позади четыре года войны. Жизнь продолжается, и за нее отчаянно цепляются ребяташки 12-15 лет, прибывшие в детдом Лиственничного. Эти дети уже успели наголодаться, да и ежедневной порции, состоящей из 400 граммов хлеба и жиденького супа, растущему организму было, конечно же, недостаточно. Поэтому не надо осуждать этих мальчишек, если им удавалось где-то украсть кусочек хлеба.

Так и решил директор детдома Григорий Калябин, когда стало известно, что воспитанники воруют картошку с колхозного поля.

– Колхоз не обеднеет, а вы не замечайте, – сказал Григорий Федорович воспитателям.

И мы «не замечали», как мальчишки пекли вечером в камине «печенки»¹, а потом съедали, прячась за спинами друг друга.

Но вот прибыл новый воспитатель, и его не успели предупредить о ребячьих вольностях.

– Это что такое? Где взяли? – уличил он детдомовцев в воровстве, наклонившись к топке.

Тут же в него полетело все, что оказалось под руками: ботинки, сапоги, табурет. Пришлось ему ретироваться. На поднявшийся шум сбежались другие воспитатели и директор. Мальчишки забаррикадировали дверь своей комнаты, и на все требования открыть отвечали изощренной бранью, чувствуя себя героями. Кто-то догадался позвать Дмитрия Ячменова, директора школы, которого все очень уважали.

– Ребята, откройте, – спокойно попросил он. Дверь отворили.

– Давайте спать, – так же невозмутимо предложил Дмитрий Степанович, ничего не спрашивая. Все улеглись по своим местам.

Я же пришла утром после выходного, зашла на кухню и повариха рассказала мне о вчерашнем бунте.

– Подъем, ребята, – сказала, войдя в комнату мальчишек и сделав вид, что ничего не знаю.

– А что у нас вчера было! – выпалил Валя Ильиных.

– Ничего не было, – сурово оборвал его старший брат Толя.

¹ Печеная картошка.

Дети поднялись, стали одеваться, умыться. А я пошла будить остальных.

– Ангелина Павловна, мальчишки грозились вечернего воспитателя убить, – предупредили меня.

Я засмеялась, но когда сказала об этом директору, он вполне серьезно ответил:

– А что ты думаешь? После вчерашнего они готовы на любой подвиг. Надо их чем-то отвлечь.

Это теперь мы не представляем свою жизнь без телевизора, радио, компьютера. Тогда же и книг-то толком не было. Чем занять пацанят, которые лишь месяц-два назад нашли здесь приют? Надо хорошую книжку! Ею оказалась «Как закалялась сталь» Николая Островского, что нашлась у директора детдома.

– Садись ближе к двери, – предупредил он меня на всякий случай.

И вот при свете керосиновой мигалки читаю, сидя у двери за большим столом, вокруг которого столпились ребяташки. Тишина. Читаю, но боковым зрением вижу, что они по очереди ныряют в другую комнату к печке, за картошкой, «незаметно» возвращаясь на место.

– Ну, все, ребята, 10 часов, отбой, – закрываю книгу.

– А вы оставьте нам книжку, – просит Сережа Жаниев.

– Не могу, вы будете читать и нарушать режим.

– Честное слово, сейчас все ляжем спать.

– Ну, честному слову я верю, – отдала Сереже книгу и, уложив остальные группы, ушла домой.

Утром вхожу в комнату бывших бунтовщиков и что же вижу! Дети лежат на кроватях, те, кому кроватей не хватило – на полу, а у стола расположился Сережа Жаниев. Никто не спит. Сережка читает вслух «Как закалялась сталь». Вот как жизнь Павки Корчагина захватила ребят!

Со временем жизнь в детдоме наладилась. Стало легче с одеждой, питанием и дисциплиной. Но рассказывая о том времени, я шучу, что Павка Корчагин меня от смерти спас. Может, прочитает мои строки кто-нибудь из бывших детдомовцев и вспомнит этот случай?

16. Запевай!

Были в детдоме лошадь и рабочий бык. Для них мы с ребятами заготавливали сено за Туманом. Ездили за Туман и за ягодами.

Это было в августе 1946 года. Собрались мы с ребятами из детского дома за брусникой. Пошли с нами директор Григорий Федорович Калябин, двое воспитателей и дети из старших групп.

Перед нами величаво раскинулся Туман, отражая в зеркальной воде плывущие по небу облака, пролетающих птиц. Оттолкнув от берега лодку-кедровку, все быстро расположились ней. Один бойкий мальчуган занял «капитанское» место на корме, четверо усаелись за весла на скамейках, остальные – на бортах лодки.

Вечерний Туман.

Фото Карфидова В.Ю., 2000 г.

Вдали узкой полосой синел противоположный берег, куда мы и направились. Сразу же девчонки-певуны грянули песню «Раскинулось море широко», затем вторую, третью. Вот мы и за Туманом. Со смехом, шутками, ауканьем разбрелись по лесу собирать ягоды. Часа через три вернулись к лодке, сравнивая результаты сборов. Зеркальная поверхность озера сменилась мелкой рябью.

– Ветер может разыгаться. А ну быстро в лодку, – скомандовал Григорий Федорович.

«Капитанское» место занял он сам, за весла сели воспитатели и мальчишки посильнее. Отчалили от берега, и лодку начало качать, ветер усиливался. А через несколько минут набежавшая волна вдруг с головой окатила сидевших на правом борту. Дети, испугавшись, вскочили на ноги, от чего судно сильно накренилось.

Команда директора «Сидеть!» прозвучала вовремя. Мокрые, испуганные ребятишки опустили на свои места. Быстро освободили три ведра, и девочки начали вычерпывать воду из лодки. Чтобы не было паники, наш умный, находчивый Григорий Федорович веселым, бодрым голосом скомандовал:

– Запевай!

Тут и «Катюша» и «Смелого пуля боится, смелого штык не берет» и полюбившаяся детдомовцами песня «Варяг» пришлились к месту. Ребятишкам и в голову не пришло, что слова созвучны нашему положению. Как только кончалась песня, из уст директора снова звучало:

– Запевай! – таким тоном, как будто не было никакой опасности.

Песен у девчонок в запасе было много. А сам Григорий Федорович, видя приближающуюся волну, поворачивал лодку ей навстречу, чтобы не ударило в борт. Волна откатывалась, наш капитан ставил судно по курсу, и мы на несколько метров продвигались вперед. Вода опять захлестывала лодку, ее приходилось вычерпывать без перерыва. Когда мы подъехали к берегу, увидели, что все жители поселка стояли на берегу и с тревогой наблюдали за нашим единоборством со стихией.

Вот лодка уже у берега, все выскочили и, подтянув ее за борта повыше на берег, схватили ведра и быстро побежали домой. А Григорий Федорович, вздохнув, сказал:

– Не надеялся я, что доплывем.

Его мудрость, находчивость предотвратили панику, его «Запевай!» помогло нам спастись от беды.

17. Своя семья

Вот там, в детском доме и встретились мы с Юрием Петровичем, и подружились. Мы дружили втроем и называли себя союзниками: Юра Карфидов, Дима Вепрев и я. Я заочно училась в педучилище, в Ханты-Мансийске, но у меня с 1943 года – с окончания школы, – была мечта учиться в институте. Ребята пришли с фронта, с орденами, медалями – в общем, «видные женихи». А так как тогда было такое положение, что «на 10 девочек по статистике 9 ребят», я не очень доверялась нашему «союзу».

В 1948 году я уезжала в Ханты-Мансийск на сдачу выпускных экзаменов, откуда собиралась сразу ехать поступать в Тобольский пединститут. Юра, провожая меня на пристани, стал просить меня вернуться, не уезжать в институт, и выйти за него замуж.

Гвардии старшина Карфидов Ю.П.
1946 г.

Я поверила ему, согласилась и не жалею!

Экзамены за педучилище я сдала экстерном. Но в том году добавили еще один экзамен – по истории КПСС, и для подготовки к нему продлили обучение еще на год.

Я вернулась из Ханты-Мансийска, и в сентябре 1948 года мы с Юрой отпраздновали свадьбу, довольно шумную, многолюдную.

В июле 1949 года я съездила, сдала экзамен по истории КПСС и получила документ на право учительствовать.

А в августе 1949 года родился Сереженька. Петра Семеновича, Юриного отца, перевели на работу директором леушинской школы, и мы переехали в Леуши. Юрий Петрович стал работать учителем географии, истории, рисования, а мне дали русский язык и литературу в 5-6-х классах.

А учиться так хотелось! Я всю зиму готовилась к экзаменам в институт. Мы оба готовились. Но какая обида! Накануне отъезда бабушка – Мария Никитична, – отказалась оставаться с внуком. А вторая бабушка (моя мама) еще работала, была не на пенсии. И вот я осталась без института.

Летом 1951 года Карфидовы-старшие уехали в Ново-Заимский район¹, в Шестаково, где Петр Семенович стал работать заведующим РОНО.

В декабре 1951 года родился Витя. Пришлось нанимать няню. Когда Вите было 8 месяцев, он заболел. Это был ужасный год. Я вышла на работу, когда ему было только 24 дня. А в школе – полная нагрузка (наполняемость классов 38-43 человека), тетради, планы, сочинения, общественная работа – агитучасток, ежедневные собрания, педсоветы, воспитательная работа с классом. Я настолько выдохлась, что не слышала, как плачет ребенок. Папа наш учился уже на втором курсе пединститута, вечерами, да и ночами подолгу занимался. Да и в школе у него были уроки истории и географии. Вот и с ребенком приходилось ночью заниматься ему.

У всех учителей была общественная нагрузка – проводить агитационную и просветительную работу среди населения. Село Леуши (как и Лиственничный, и другие поселки и села) было поделено на так называемые «десятидворки» – участки по десять дворов. За каждым учителем закреплялась своя «десятидворка». Однажды нас, беспартийных учителей, вызывают на партсобрание,

¹ Юг Тюменской области.

и тогдашний парторг – Смирных Валентина Николаевна, – поднимает меня и спрашивает:

– Ангелина Павловна, когда же Вы начнете работать на своей «десятидворке»?

Я молчу. Юрий Петрович негромко произнес:

– Вот Витька умрет, и будет работать.

А Валентина Николаевна в ответ:

– Юрий Петрович, не забывайте, что у меня самой трое!

А то, что они все здоровые, а дома бабушка и нянька – про это она промолчала.

Вите становилось все хуже, и нас положили в больницу. Ребенок мой уже не подавал признаков жизни, сестры ему уже не мерили температуру. Он лежал на подушке. Женщина с соседней кровати говорит мне:

– Убери из-под него подушку, на ней ему трудно умирать.

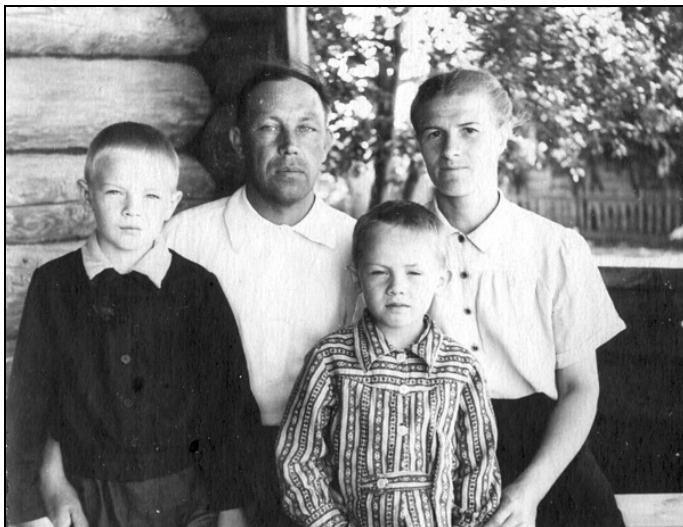
Но вдруг мой Витенька, словно захотел возразить той тетке, произнес какой-то звук. Я обрадовалась, взяла его на руки, покормила, и он как-то осознано стал глядеть. С этого момента он стал поправляться, оживать, но был сильно истощенным. Нас выписали из больницы. У него появился аппетит, стал живее, веселее. И в 1 год и 2 месяца сделал первые шаги.

Летом 1953 года мы поехали в Шестаково, к Юриным родителям. Прожили там до 1956 года. Два года я вела уроки русского языка и литературы, а на третий год осталась без работы. Юра тоже работал учителем, и, когда Петр Семенович, мой свекор, перешел из района работать директором этой же школы, нас оказалось трое Карфидовых в одной школе. Год мы проработали втроем, а потом потребовалось место другой учительнице, и Петр Семенович сказал, что это уже неудобно:

– Трое Карфидовых в одной школе – это много.

Вот так третий год в Шестаково я провела домохозяйкой. Потом мне предложили работу учительницей в другом селе, но мы с Юрой, посоветовавшись, решили вернуться на Север – там мои родители, сестры, братья.

Вернулись в Леуши. Вернее, жили у Черепановых на Лиственничном, а работали в Леушах. Мне дали работу воспитателем интерната, а папа наш стал работать бухгалтером в леспромхозе. Там на территории бывшей МТС нам и квартиру

В Шестаково.

Фото Карфидова Ю.П., 1956 г.

дали. Сережа пошел в 1-й класс Леушинской школы, а Витю оставляли у Черепановых, у деда с бабой.

В 1957 году однажды зимой приходят к нам директор Леушинской школы Тандалов Валентин Васильевич и учительница Кабальнова Александра Михайловна с бутылкой водки:

– Мы пришли к вам свататься. Просим Юрия Петровича на работу заведующим интернатом.

Бутылку на стол, на закуску нашлась мороженая щука, которую директор расколотил топором на порог.

Таким образом, мы оказались оба в интернате. Дали нам квартиру на школьной ограде, около окон небольшой огородик и кустики малины. Коллектив школы и интерната был очень дружный, работалось хорошо, интересно. С детьми интерната тоже не было никаких конфликтов, они приняли нас доброжелательно. Уже будучи взрослыми, участливо относились к нам при встречах, заезжали, писали письма, звонили, например, Андрей Тарханов – известный мансийский поэт, Косяков Витя, Истомин Яша.

18. СЫНОВЬЯ

Жизнь на месте не стоит – время движется. И, как говорится, молодые растут, старые старятся. Молодые упорно стремятся вперед, не оглядываясь на прошлое. А пожилые люди постепенно замедляют шаг, удивляясь новому, и сравнивают это новое с тем, что осталось позади. Люди пожилые, люди старые, продолжая свой жизненный путь, начинают подводить итоги: правильно ли я прожил, много ли сделал ошибок в своей жизни, сожалея, что теперь их не исправишь. Что же было хорошего, не зря ли ты прошел по жизни, какой след оставил на земле?

Вот так и я теперь, одна, не раз по своему длинному пути своей жизни постоянно прохожу в своих мыслях. А со мной мои дорогие спутники во всех воспоминаниях – мои дорогие мальчишки.

Ведь, кажется, недавно рядом со мной было четверо мужчин. Но мой дорогой спутник уже оставил меня, а сыночки разлетелись, и у них у всех своя жизнь, свои семьи, своя работа. Помню, какие они были в детстве, в школьные годы, как, начиная взрослеть, рано вылетели из родного гнезда.

Вспоминаю. Наверное, каждая мама помнит забавные истории из жизни своих детей. Дети мои росли, как и все их сверстники, но вот забавные истории у всех бывают разные.

Запомнилось, как однажды в Шестаково пятилетний Сережа пришел ко мне и так жалостливо попросил, держа в руках книжку:

– Мама, научи меня вот этот рассказ читать.

Буквы-то он уже знал. Я принесла из школы букварь, мы начали с первых страниц, и уже через несколько дней Сережа свободно читал любой текст. Вскоре, незаметно для всех, он научил читать трехлетнего Витю. И когда мы через полтора года после этого приехали на поселок¹, мальчишки мои своей грамотностью, своими рассуждениями удивляли всех. Сереже было семь лет, Вите четыре с половиной.

Заболели оба корью, был карантин. Помню до сих пор рассуждения Вити с фельдшером Клавдией Николаевной:

– Сережа учится в 1 классе, а когда пойдет в 4 класс, я пойду в 1-й. А когда Сережа пойдет в 7 класс, я пойду в 4-й. Потом

¹ Поселок Лиственничный.

Сереза в 10-й, я в 7-й, потом Сереза в институт, а потом Сереза женится.

– Как женится?

– Ну, полюбит и женится.

Откуда четырехлетнему ребенку знать, что такое – полюбит?

Урок грамоты для младшего брата.

Фото Карфидова Ю.П., 1955 г.

Мне кажется, что Витя наш родился с математикой в голове. Был такой случай. Он мешал бабушке управляться по дому. И она, зная, что Витя обязательно садится, если надо считать или читать, спросила:

– Витя, сколько будет не семьдесят, а на один меньше?

И этот ребенок, которому нет еще четырех лет, садится на стул и начинает соображать. Тишина, спокойствие! Через несколько минут он сообщает:

– Шестьдесят девять, – и, ерзя, слезает со стула.

Сереза был более гордым, чем Витя. Обычно за какие-нибудь проказы ставили провинившегося в угол. Витя быстро просил:

– Мама, извини, я больше не буду.

А Сереза никак не хотел просить прощения. И тут ему помогла грамота. Печатными буквами (письменных еще не знал)

нацарапал на бумажке «Мама, извЕни меня» и отправил мне бумажку с Витей. Ну что ж, пришлось извЕнить его, отпустить из угла.

Еще помнится такой смешной случай. Витя на лыжах своего дяди в четыре года запурхался в снегу. Идет мимо учитель, который нам и рассказал об этом:

– Что, Витька, погиб? - хотел помочь ему.

А тот отвечает:

– Тебя не спрашивают, так ты не сплясывай.

Что ж, помощь не потребовалась, вылез сам.

На поселке мы сначала жили у Черепановых, но с началом учебного года стали жить в Леушах. А Сережа остался у бабушки с бабушкой и ходил в Лиственничную школу. Очень скучал, говорил тете Томе¹, в классе у которой учился и у которой дома готовил уроки:

– Пока я тут, там, наверное, мама приходит.

Витю я брала несколько раз с собой на работу. Но там, чуть я выхожу в другую комнату интерната, ребяташки в столовой, где обычно готовились к урокам, все бросались к Вите, давали ему бумажку с примерами в пределе сотни и удивлялись, как малыш в четыре с половиной года правильно пишет ответы.

– Нет, Витя, ты мне тут мешаешь.

Пришлось его оставлять на поселке, у бабы и деды. Он подчинялся без слез, не возражал. Дед наш был председателем колхоза и, иногда, уходя на работу в контору, брал с собой Витю. Там взрослые люди окружали ребенка и просили почитать.

– А куда я сяду? - неперемное условие.

И Витя читал свободно любой текст. А если Витя приходил в школу, где учился Сережа, ребяташки старших классов окружали его и совали в руки книжку:

– Почитай!

Тогда Вите было уже 4 с половиной года, читал хорошо.

Через несколько дней, соскучившись, говорил, просился домой:

– Пойду домой, я документы дома оставил.

¹ Тамара Павловна Пилипук (Черепанова), родная сестра А.П. Карфидовой.

Потом Сережу перевели в Леушинскую школу. Утром в темноте я провожала его из дому, идти мальчику приходилось через пустырь, расстояние около километра. Учился у Овсянкина Сергея Германовича на «4» и «5».

В 1958 году родился Коля. Вырастили парня без няни. Я уходила на работу во вторую смену, Сережа приходил из школы, и я оставляла малыша на попечение старших братьев. Сереже было 9 лет, а Вите шесть с половиной. Вот эти братики и нянчились с Колей: поили, кормили, укладывали спать, забавляли, чтобы не плакал, но из кроватки вытаскивать его им было запрещено.

19.

Я и мои сыновья. Леуши.
Фото Карфидова Ю.П., 1958 г.

Опорный

В 1959 году мы переехали на Опорный пункт¹, там было организовано общежитие для учащихся старших классов, русских, приехавших с дальних поселков, деревень. А в интернате в Леушах остались дети ханты-манси. Заведующим общежитием назначили Юрия Петровича.

Опорный пункт, или просто Опорный, как его все привыкли называть, – бывший опытный участок Ханты-Мансийского семеноводческого хозяйства, где выращивали зерновые, овощные, фруктовые, ягодные культуры. Там до этого работали ученые по вопросу выращивания сельскохозяйственных культур в северных условиях.

**Поворот дороги из Леушей на Лиственничный
около бывшего Опорного (находился впереди слева).**

Фото Карфидова В.Ю., 2004 г.

В 1959 году научные работники, выполнив свою миссию, уехали. Участок и все хозяйство были переданы Леушинской школе. Там был большой сад, в котором росли малина, смородина, клубника и несколько сортов яблонь, огороженный участок

¹ В 1 км от Лиственничного, где дорога делает поворот в сторону Леушей.

пахотной земли, три жилых дома, старые хозяйственные помещения, баня, колодец. Назвали это все – учхоз¹ «Юность».

Специально сад никто не охранял, хотя интерес к нему у мальчишек из близлежащих поселков был.

Помнится такой случай. Как-то летом все ребята ушли в лес за грибами. Только Витя не захотел идти со всеми и остался. А что одному делать? Скучно. Решил он залезть на крышу дома – дальше видно, больше слышно. Вдруг он заметил, что трое пацанов осторожно крадутся к саду.

– Что делать? – думает Витя, – их трое, а я один.

И тут мелькнула мысль: напугать их, будто хозяева в саду.

– Ребята! – закричал он с крыши. – Их трое. Ты, Вовка, со своими заходи справа от рощи. А ты, Мишка, со стороны забора. Да побыстрей!

Воришки, не ожидая такого поворота дела, сразу дали стрелкача. Так Витя защитил сад от непрошенных гостей.

**Наш бывший дом на Опорном (с двумя дверями)
через год после нашего переезда на поселок.**

Фото Карфидова В.Ю., 1968 г.

Ученики 8-11 классов разместились в большом доме-общежитии. Ребята были хорошими, не было у нас серьезных конфликтов, жили дружно. Председателем учхоза был сначала Баженов Сережа (с Ягодного), а когда он закончил школу, его сменил Юра Ермаков. Повар – из местных, помощники – дежурные

¹ Учебное хозяйство.

девочки. Мальчики готовили дрова и воду. В хозяйстве держали поросят – скормливали им остатки еды с кухни. Осенью заготавливали грибы, ягоды. После школьных занятий приобщались к труду на земле.

Папа наш был заведующим учхоза, ему часто приходилось ходить в Леуши по разным хозяйственным вопросам. Я была воспитателем. Ребятишки шли и домой к нам по разным вопросам: кто-то ночью заболел – стучат в окошко, кому-то укоротить плащ, заузить брюки – подшиваю, укорачиваю, зауживаю. Но когда увидела, что это у меня много времени отнимает, отдала им свою швейную машинку – стали сами это делать.

Один из бывших воспитанников, ставший писателем, членом Союза писателей – Валерий Косихин, – написал повесть «Старый дом в чистом поле»¹ о жизни и работе Опорного пункта. Книгу эту он прислал Юрию Петровичу с дарственной надписью, где называет его «Отцом родным».

А наши Сережа и Витя ходили в Лиственничную школу, в любую погоду, а зимой – по заметенной дороге, Сережа в 4-й класс, Витя – в 1-й.

А Коля, когда ему было 3 года, совершил свое первое самостоятельное путешествие. Его оставляли дома одного, ведь работали мы рядом, всегда имели возможность присмотреть за ним. Однажды я с ребятами ушла в школу, а папа наш должен был идти в Леуши. Коля надел свое серенькое пальтишко, обулся и отправился. До Леушей от Опорного четыре километра. Машин тогда еще ходило мало, да и из пешеходов, очевидно, никто не встретился, иначе обратил бы внимание на ребенка. Уже в Леушах, идя по одной стороне дороги, папа как-то случайно глянул на другую сторону, и что-то резко остановило его: пальтишко так похоже на Колькино. Смеркалось. Коля, не обращая внимания на какого-то в стороне идущего человека, продвигался

¹ Повесть напечатана в сборнике «Последний рейс», Косихин В.А., М.: Мол. гвардия, 1983.

вперед. Куда бы он ушел, на ночь глядя, если бы не такая случайность?

– Как ты мог, ведь тебя бы задавила какая-нибудь машина?

– А я, увидев машину, прятался за телеграфный столб.

Вот так и росли и ума набирались мои дорогие мальчишки.

Дорога от Опорного к пос. Лиственничный

Фото Карфидова С.Ю., 1989 г.

Коля тоже рано стал интересоваться буквами. Причем, на каждую букву подбирал слово. Он начал с крупных заголовков газет: «Это какая буква?» «К» - Коля, «М» - мама, «С» - Сережа, и так весь алфавит. Вдруг незнакомая буква «Э». Я подсказываю:

– Э – это.

А он дополняет:

– Это нельзя брать?

– Да, это нельзя брать.

Научившись читать, стал писать печатными буквами. Это тоже в трехлетнем возрасте. Затем изучил буквы немецкие и читал тексты, которые мальчишки из нашего общежития из любопытства подсовывали ему. Читал, конечно же, ничего не понимая. Немецкий текст читал уже лет пяти.

А ребят это забавляло.

На работу уходили, оставляя Колю одного, тогда ему было уже 3-4 года. Он к тому времени уже свободно читал и писал. Однажды

что-то он заскучал и не хотел меня утром отпускать на работу. Я говорю:

– Коля, меня же учительницы заругают, что я не приду. Мне надо идти.

Он убежал в другую комнату и через несколько минут приносит мне бумажку:

– Вот, отдай учительницам.

А там написано: «Учительницы, если вы будете ругать мою маму, я скажу МЕЛЬционеру». В школе учительницы посмеялись над таким посланием.

Маленький Коля.

Фото Карфидова В.Ю., 1962 г.

20. Трудовое воспитание

К труду детей приучали с самых малых лет. Я им говорю однажды:

– В доме вся работа женская – стирка, уборка, готовка обедов, ремонт одежды. Во дворе корова – доит женщина. А мужской работы нет. Значит, все должна делать я. Так я что ли раба?

Дети меня поняли. И вот однажды, слышу, говорит Витя брату:

– Серега, мой картошку. Мама что ли раба?

Стали мои мальчики мыть посуду. Я наблюдаю издали, как один моет, другой вытирает. Затем берет старший тряпку и подтирает пол – ведь набрызгали.

Моя семья.

Фото Карфидова В.Ю., 1969 г.

И вообще мои мальчики во всем помогали нам по хозяйству: дать сена корове, корм курам, помыть посуду (по очереди), сходить в магазин.

Всегда мне помогали мои мужчины, не стеснялись женской работы. Бывало, прихожу вечером из школы, а мои мальчики на кухне готовят пирожки. Сережа их стряпает, а Витя на сковородке печет. Мне остается лишь подоить корову. Но и тут по очереди они ходили со мной: почистить навоз в стайке, достать

сена в стойло. Это, как и мытье посуды, делалось по очереди – чья неделя. Ребята делали все, что поручалось им.

Конечно же, мальчикам постоянно надо было указывать, как и что надо делать. Но однажды где-то я вычитала, как развивать инициативу детей. Такая фраза: «Поможете вы маме без просьбы, то есть сами?». Сереже показалось это слишком детским, игрой. А Витя принял с интересом. Я стала записывать на бумажке эти дела, выполненные по своей инициативе. А потом и Сереже понравилось. Так мои мальчишки старались сами увидеть, что надо делать по дому. По субботам Сережа мыл пол в детской, Витя – коридор и кухню, папа – в нашей спальне, а я вечером, придя с работы, мыла крылечко.

Вот, однажды в сентябре вижу: оба тепло оделись, идут, один с лопатой, другой с ведром. Мальчики наши тогда учились: Сережа - в 4 классе, Витя – в 1 классе.

– Вы куда? – спрашиваю.

– Да вот по радио передавали, что будет заморозок, а у нас полтора ряда картошки недокопано.

И пошли копать. Вот какие хозяйственные оказались. Что делать, если папа с мамой заняты.

Я внушала им:

– Вы должны все уметь делать, полностью обслуживать себя, так как я не знаю, куда вас жизнь забросит, может, в тайгу, может, на Северный полюс. Надо, чтобы вы нигде не растерялись, смогли выйти из любого трудного положения.

Мальчишки наши не чурались никакой работы: умеют дрова колоть, сено грести, стог метать, забор сделать, яму выкопать для погреба и т.д., и крышу крыть, и печку сложить. А пуговицы пришивать, заплатку наложить и даже носок заштопать учила я их с самого детства.

Ну и хитрили, конечно – дети же! Когда Коля подрос, братья научили его играть в шахматы, ему очень понравилось. Он стал приставать к ним, чтобы они сыграли с ним в шахматы. Те придумали, как из этого пользу извлекать.

– Достанешь за меня из подполья ведро картошки и намоешь, тогда сыграю.

Коля лезет в подполье, достает, потом моет картошку. Заработал - надо играть с ним в шахматы. Сядут, старший брат его быстро обыграет:

– Ну, все, сыграли.

И так до следующего раза.

Но все равно относились к нему по-братски. Меня удивило однажды такое. Уходя куда-то с ребятами, Витя спросил: «Мама, мы возьмем Кольку с собой?» Видимо, малыш не мешал в их делах.

На стogu Витя. Внизу – Сережа и Юрий Петрович.

1966 г.

Читали запоем. Смешно вспомнить: посуду моет, вытирает, а глаза в книжку, что рядом раскрыта. Кончил мыть, книжку под стол на полочку, раскрытой. А на кровати под подушкой тоже раскрытая книжка.

– Так как же вы смысл не путаете – в той книжке одно, а в другой – другое?

– Ничего, все понятно.

Вечером захожу к ним в комнату:

– Спать, – выключаю свет. А они с фонариком под одеялом продолжают читать.

Мы выписывали много журналов: «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Охота и охотничье хозяйство», «Радио», «Огонек», «Мурзилка», «Техника-молодежи», «Знание – сила», «Юный техник», «Юный натуралист», «Пионер», «Костер», «Работница», «Крестьянка». Непрочитанных не было. Мальчишки просто глотали все.

Деда Петя из Свердловска присылал много книг – библиотеку фантастики. Вскоре их дома не оказывалось. Сыновья наши раздавали друзьям. А мне объясняли так:

– Ведь книга больше принесет пользы, если ее будут читать, чем она будет стоять на полке.

Мы приобрели «Большую советскую энциклопедию», тома постепенно приходили по почте. Тома энциклопедии большие, толстые, в них столько интересного! Но – только по разрешению родителей. Сережа после вспоминал: чтобы получить право читать энциклопедию, надо было сначала что-то выполнить по хозяйству, потом вымыть руки, только тогда разрешалось взять том энциклопедии.

Вот первый космический полет Гагарина. Какой восторг! Мальчишки мои и их друзья заболели космосом. Ребята захотели изобрести ракету, приходили домой с обожженными щеками, руками, всеми силами пытаясь отправить свою ракету в космос.

Сколько интересных занятий в таком возрасте. Папа наш увлекался фотографией, что ему передалось от его отца. Мальчишки наши тоже занялись фотографией. В те годы стали выдавать паспорта, и многие обращались к нашим ребятам с просьбой сделать фотографии на паспорт – на поселке фотографов не было. Вот мои фотографы, желая сделать людям добро и для собственного удовольствия, многим помогли получить паспорта. Плату им иногда предлагали, но ни разу никто из них не брал денег за сделанные фото.

И еще была страсть у моих мальчишек копаться во всяких мелких, да и крупных тоже, механизмах. Сережа, будучи учеником 7-10 классов, брался людям ремонтировать ручные часики, конечно же, бесплатно, «из любви к искусству», как говорится. Постоянно сидел, копался, ремонтируя часы всем желающим. Я даже боялась за его зрение.

Вот и Коля тоже. И сейчас копается, ремонтирует телевизоры, компьютеры.

А Витя, помню, еще в 7-м классе сделал какой-то прибор, где задавалось три варианта ответа на какой-то вопрос. И лишь при правильном ответе загоралась лампочка.

Страсть копаться во всяких механизмах...

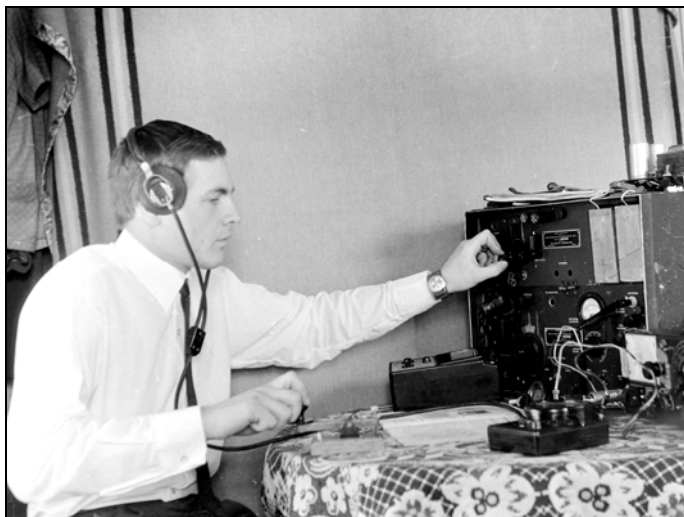
(Коле 7 лет).

Фото Карфидова В.Ю., 1965 г.

21. Сережа

Не знаю, с чего началась у Сережи тяга к радиолубительству. Наверное, потому, что друзья жили не рядом, а общаться надо постоянно. Вот и начали с товарищем, Вовкой Угрюмовым, тянуть провод на метеостанцию, где жил Вовка – сделали телефон. А когда переехали на поселок, тут тоже тянулись провода к друзьям.

Помню, что Сережа, еще учась в 4 классе, собрал детекторный приемник, что-то в нем застучало – вот было радости! Об изобретателе радио Попове он изучил весь материал и из энциклопедии и из журнала «Радио». Будучи учеником 7 класса, он в День радио читал в клубе доклад для взрослых, посвященный этому дню. В магазине был радиоприемник, который из-за какой-то поломки не могли продать. Продавец попросила Сережу отремонтировать приемник, что наш сын и сделал. И все работы бесплатно, из любви к искусству. Получал удовлетворение, выполнив работу.

Сережа - радиолубитель-коротковолновик.

Фото Карфидова В.Ю., 1968 г.

Сережа в 1966 году окончил 10-й класс. Начались экзамены. Первый экзамен сдал на тройку. А потом вдруг так засел за подготовку, что все остальные сдал на пятерки. Помню, что

ожидая его из Леушей, мы с ребятами выходили за ворота и видели, что он бежит домой, подняв руку вверх с раздвинутыми пальцами, что означало «пять!» Мы все радовались его успеху.

И все, вот уже Сереженька вылетает из дому: учеба в Омске, затем радиотехнические курсы в Тюмени. Сережа оставил у преподавателя этих курсов – Хаялыча, как его по отчеству за глаза называли ученики, – приятную память о себе. Хаялыч увидел в этом ученике настоящего радиолюбителя, его стремление узнать как можно больше. И рассказывал о нем уже последующим группам учеников:

– Вот был парень!

Сережа после курсов два года отслужил в армии на Дальнем Востоке, там тоже был радистом. А после армии через Омское управление гидрометеослужбы устроился на работу на Север, в Тарко-Сале, конечно же, снова радистом.

На Севере Сережа встретил свою половинку, где Люба работала на метеостанции. Люба родом с Украины, там ее родители, ее корни. И когда у них родилась Маринка, да еще и приболела, без чего дети не вырастают, они решили перебраться на Украину. И живут там уже почти 40 лет. Сережа так и не расстается с радиоделом. И работа у него по этой части – начальник объекта ОПРС (отдельная приводная радиостанция Харьковского управления гражданской авиации), – и сам, дома, продолжает заниматься радиолубительскими делами. Участвуя в соревнованиях по радиолубительской коротковолновой связи, получил звание «Мастер спорта».

О своей жизни и работе Сережа написал книгу «40 лет в мировом эфире»¹.

¹ Так называлось первое издание книги. Доработанная и дополненная книга называется «Со всем миром накоротке, или маленькая повесть о первой любви...» (см. рисунок).

22. Витя

Учились наши мальчики хорошо, не требовали в этом отношении никакого контроля. Витины одноклассники и сейчас вспоминают и, оценивая его способности, говорят: «Это феномен!» Учась в школе, он на уроках решал задачи, уйдя далеко вперед от класса по сборникам задач по математике и физике. Витина учительница математики, Калинина Елена Павловна, говорила:

– Мне не надо перерешивать на ближайшие уроки задачи – Витя Карфидов их все перерешал.

Начиная с 7-го класса, Витя ездил на математические олимпиады. В первый раз он ездил на районную олимпиаду в Луговую и рассказывал:

– Я быстро все решил и вышел, а Андрей Павлович, математик, говорит:

– Витя, ты ведь неправильно решил. Надо так.

– А можно и так, – сказал я, и Андрей Павлович со мной согласился¹.

Затем ездил в Ханты-Мансийск на окружную олимпиаду. Занял два первых места – по математике и по физике. Он еще не вернулся, а Валентина Николаевна Смирных как-то говорит мне:

– Вы не слышали – вчера Витя выступал по радио?

Мы-то не слышали, не ожидали.

Потом Витя ездил на областную олимпиаду математиков в Тюмень. Там опять же занял первое место.

Как-то, еще до этих олимпиад, некоторые говорили:

– Это здесь, в деревне, он выделяется среди остальных, а приедет в город – там таких много, и он будет незаметен.

¹ На самом деле было не совсем так. Я все решил и вышел, а вскоре за мной вышел Алексей Дударев, ученик Луговской школы, с которым мы потом подружились и вместе учились в Новосибирской физматшколе. Он спросил меня, как я решил задачу про множества, и я рассказал, что представил их отрезками линий. Алексей сказал, что Андрей Павлович, их учитель, объяснял им на занятиях математического кружка, что такие задачи надо решать с помощью «кругов Мора». Каково же было удивление Алексея, когда мое решение задачи тоже засчитали, как правильное (В. Карфидов).

Вот и после областной олимпиады Калинин Георгий Александрович, муж Витиной учительницы математики, говорит:

– Как же так, мальчик из деревни оказался способнее городских из всей области? Наверное, было не одно первое место.

Однако же место было одно, и Витя не уступил это место городским.

Вот какой математик у нас Витя! Это было уже после 9-го класса. Так он получил приглашение поехать в Новосибирск в физико-математическую школу, где закончил 10-й класс.

Он и летом в журналах находил себе задачи, над которыми надо было думать.

Решил Витя поступить в МАИ¹ после Новосибирска. Мы сначала возражали. Такое престижное заведение, где же деревенскому мальчишке туда попасть? Вот он уехал, мы все переживали: ведь в Москву, один, никого знакомых и денег-то немного. Как он там? И вот получаем телеграмму, что доехал благополучно. Текст такой: «На Шипке все спокойно». Сдав экзамены, ринулся домой поделиться радостью.

– А может, тебя не приняли?

– Не думаю.

А потом уж рассказывал, что, когда вернулся в институт и пришел оформляться, спросил, дали ли ему место в общежитии. Ему ответили:

– Карфидову? Конечно, дали.

– Как вы узнали, вы же не посмотрели в списки?

– Так один Карфидов сдал на все пятерки.

После окончания МАИ Витя работал в подмосковном Калининграде, трудился над созданием космических кораблей и ракет. Там же защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук. В МАИ он встретил свою спутницу жизни – Галю, у них два сына – Максим и Миша. Витя с Галей получили жилье в другом подмосковном городе – в Люберцах. Чтобы тратить на дорогу меньше времени, Витя перешел на другую работу – на вертолетную фирму Камова, которая находится в Люберцах. Там же работает и Галя. Три года назад Витя перешел на работу в организацию «Гражданские самолеты Сухого», работает теперь там начальником отдела.

¹ Московский авиационный институт.

23. Коля

И третий мой сын Коля закончил семь классов Лиственничной школы, в 8-й класс пришлось ему ходить в Леушинскую школу. С детства, когда он был дома один, бывало, в холод выскакивал раздетым на улицу, или, проснувшись, видя что никого нет, бегал по ограде Опорного искать папу, оставив дома открытой дверь. Ну и, конечно, простудился, болел, гланды увеличены, стало отражаться на сердце, были приступы. Но, когда стал ходить в Леушинскую школу, болеть стал реже. За его успеваемость и поведение у меня и сейчас хранятся благодарности родителям.

И когда в 9-м классе их отправили на медкомиссию в Кондинск, как будущих призывников, у Коли оказался весь организм здоровым.

– Ну-ка, открой рот! И гланды в порядке.

Я потом прочитала где-то, что оздоровлению мог способствовать свежий холодный воздух. Не знаю, может, и так.

После десятилетки он от военкомата был направлен в Ханты-Мансийск на курсы. Закончил водителем, шофером, кем и прослужил в армии два года. Служил Коля в Новосибирске, папа к нему ездил однажды.

В 1965-м году мы переехали с Опорного на Лиственничный. Жили в половинке старого двухквартирного дома, того самого, где я прожила с 1932-го по 1948-й год.

А к Колиному возвращению из армии мы купили у Балахниных отдельный дом¹, отгородили ему комнату, где он сам делал уборку, сам белил, мыл. И этот сын не боится никакой работы.

Коля остался жить и работать рядом с родителями – в селе Леуши. Его жена – Ира, – училась в параллельном с ним классе Леушинской школы, вот с самой школы они и решили соединить свои судьбы. Их дети, а мои внуки – Илья и Танюша, часто приезжали, а то и прибегали в гости к нам, не забывают и сейчас.

Работает Коля электромехаником в автоколонне, ремонтирует всю электрическую и электронную начинку автомашин. Был отмечен в окружной газете, как получивший благодарность за свой труд. Бедняга, жалею я его, у него мало свободных выходных дней,

¹ Дом, построенный в 1931 году самым первым на первой улице Лиственничного.

и отпуска проходят так: день дома, три на работе. Могут вызвать в любой день, часто домой возвращается лишь в 9-10 часов вечера. А ночью – ремонт чьих-нибудь компьютеров, телевизоров и т.д. Он у нас, как раньше говорили ребята о таких людях авто-фото-теле-мото-кино-радио-монтер. Не знаю, когда он спит.

Как хорошего мастера, его знают многие.

– Вот, – рассказывает он, – иду с поселка в Леуши пешком, навстречу машина. Двери открываются, парень спрашивает: «Дядя Коля, Вам в Леуши?» Заворачивает машину и везет меня до дому. А я его и не знаю.

И строители, которые строили мой дом, знают его все:

– Этот парень молодец!

И еще интересно было мне слышать от них отзывы о моих сыновьях. Сидит один во время отдыха, разгадывает кроссворд и говорит:

– Вот Николай Карфидов здорово их разгадывает.

И Витю они уважали и Сережу.

Лестно было мне слышать, как и любой матери, об успехах своих детей. Вот приехали мои старшие сыновья из Междуреченска, заезжали во время отпуска к Коле на работу, восхищаются:

– Молодец, братан! У него там все стены заклеены благодарностями, как хорошему работнику.

Мои сыновья: Коля, Витя, Сережа.
Фото Карфидова В.Ю., 1979 г.

Мои сыновья: Коля, Витя, Сережа.
Фото Карфидова В.Ю., 2002 г.

Слева направо: Сережа, Люба, Галя, Витя
Фото Гришанова Б.И., 1976 г.

Коля и Ира.
Фото Карфидова В.Ю., 1980 г.

24. Юрий Петрович

В 1965 году в Леушах построили новую школу и несколько корпусов для интерната. Общежитие на Опорном закрылось. Пришлось Юрию Петровичу ходить на работу в Леуши 10 лет пешком, возвращался, если вечерняя смена, в одиннадцать часов вечера. А если утренняя смена, уходил в 6 часов утра, так как в 7 часов подъем в интернате.

О его работе в интернате статью в газету написал его товарищ – бывший фронтовик, учитель Овсянкин Сергей Германович. В статье – много добрых слов, но никаких преувеличений. У него с воспитанниками было полное взаимопонимание. Сохранились письма от бывших его воспитанников.

Стало у него сдавать здоровье, и он получил путевку на курорт. Мы были на Рижском взморье в г. Даугавпилс. По пути туда и обратно ездили к Вите в общежитие в Москву, когда он учился в МАИ.

Шишкин И. «Лесные дали».

Копия Карфидова Ю.П., холст, масло.

В 1975 году папа наш ушел работать на метеостанцию, которая находится недалеко от поселка – чуть ближе, чем Опорный. И хотя там были и ночные дежурства, но ходить туда ему было легче, чем

в Леушинскую школу. На метеостанции он проработал последние два года перед пенсией.

Хобби его было рисование. Писал картины на холсте масляными красками, в том числе копии картин великих художников.

Рылов А. «В голубом просторе».
Копия Карфидова Ю.П., холст, масло.

«Пруд».
Карфидов Ю.П., холст, масло.

Много картин в домах нашего поселка выполнено его руками, и у всех родственников в доме обязательно висит хотя бы одна картина, нарисованная Юрием Петровичем.

«Зимний лес».
Карфидов Ю.П., холст, масло.

«Летний пейзаж».
Карфидов Ю.П., холст, масло.

«Гуси».

Карфидов Ю.П., холст, масло.

Занимался он и оформительскими работами: для школ Лиственничной и Леушинской, для клуба, для детсада, рисовал по заказу различные вывески для организаций.

К Дням Победы Юрий Петрович ежегодно готовил доклады перед населением поселка, до последнего года своей жизни. К 55-летию Победы в поселке участников Великой Отечественной войны оставалось вместе с ним четыре человека. Со всеми он общался, ходил к ним, пока мог.

Мне в 1974 году исполнилось 50 лет, я должна была освободить место молодым, уйти на пенсию. Как жалко было бросать школу. Но я еще 9 лет была «на подхвате», кого заменить, где русский язык, где математика, ну а домоводство вела до конца. 10 лет, еще работая в школе, была на поселке председателем женсовета. А выйдя на пенсию окончательно, вела в клубе с женщинами кружок вязания.

Непривычно мне было на пенсии, без ежедневной работы. Пришлось довольствоваться домашней работой, огородом. Но всегда, во всех делах рядом со мной был мой муж, мой верный спутник жизни Юра, Юрий Петрович.

25. Эпилог

Я считаю, что у моих сыновей природный дар – тяга к знаниям, умение вести себя в обществе, уважение к людям, ответственность за порученное дело.

Не раз приходилось мне слышать:

– Какие у Вас хорошие сыновья. Всем бы матерям таких, – и душа радуется за сыновей.

Многие родители завидуют мне в том, что дети мои каждый год приезжают ко мне, звонят постоянно.

Радуюсь я тому, что жены им достались тоже очень хорошие, добрые, умные, внимательные, трудолюбивые. Я их всех люблю как мать, у которой дети нашли такое взаимопонимание со своими женами.

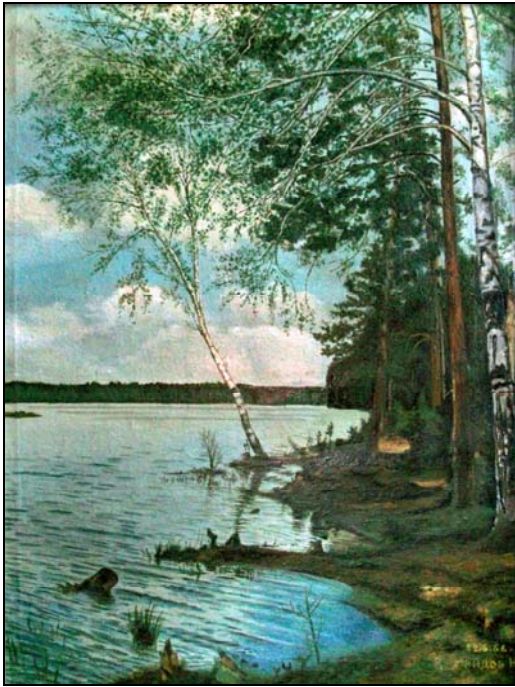
Считаю, что жизнь прожита у нас с Юрием Петровичем не зря. Вот каких сыновей вырастили мы.

Моей семье – 50 лет.

Фото Карфидова В.Ю., 1998 г.

А сейчас судьба раскидала моих сыновей далеко от дома. Сережа живет на Украине, Витя – в подмосковных Люберцах. Коля, хоть и недалеко обосновался – в Леушах, а все равно стал жить своей семьей.

«Лесное озеро».

Карфидов Ю.П., холст, масло.

Остались мы вдвоем с Юрием Петровичем.

В сентябре 1998 года мы отметили 50-летний юбилей нашей совместной жизни – «золотую свадьбу».

А в 2002 году, 11 декабря, Юрия Петровича не стало. Осталась я одна. Но каждый год приезжают в отпуск сыновья, иногда с женами, с детьми – моими внуками. Регулярно звонят по телефону, рассказывают свои новости, интересуются моими делами. Рядом живут мои сестры, мы всё так же дружны, как и в далекие 30-е и 40-е годы.

Вот и вспоминаю, оставаясь одна в тишине, всю свою жизнь, все свои 80 лет, прожитых на берегу Тумана, в спецпоселении «1-й поселок», поселок Лиственничный. Каждый человек, живущий на Земле, оставляет свой след. Надеюсь, и мой след на Земле останется прямым и четким. Никогда в жизни я не кривила душой, и мне не стыдно за свои прожитые годы.

Лиственничный, 1995 – 2010 г.г.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Как ты выжил, солдат?

*Памяти моего мужа,
Юрия Петровича Карфидова,
посвящается.*

Три четверти века стоит за плечами.
Немало пришлось испытать, повидать.
И часто бывшее встает пред глазами,
А старым всегда есть о чем вспоминать.

Как кадры из фильма, картины из жизни
Встают пред тобой наяву и во сне.
Особенно в мае опять вспоминаешь
О той, о далекой, жестокой войне.

Часто твои пацаны приставали:
«Папа, еще расскажи про войну.
Как вы с фашистами там воевали.
Как защищали родную страну?»

Война, где снаряды и пули, и бомбы,
Опасность всегда над тобою кружит.
Мы знаем, что войны без жертв не бывают,
Как ты выжил, солдат, сыновьям расскажи?»

«А воин о собственной жизни не думал.
Победа - единственной целью была.
А смерть на военных, крутых поворотах
Как-то случайно меня обошла».

Мальчишки сидят, распахнувши ресницы,
Боясь даже слово одно пропустить.
Ты снова листаешь той жизни страницы,
Той жизни, какую нельзя позабыть.

Вы для фашистов возили «подарки»,
Ты был в самолете воздушным стрелком.
И там, на широких небесных дорогах,
Не раз приходилось встречаться с врагом.

Случилось, фашистский стервятник
По вашему борту ударил свинцом.
Выдержал борт. Но внутри самолета
Дюралевой дробью плеснуло в лицо.

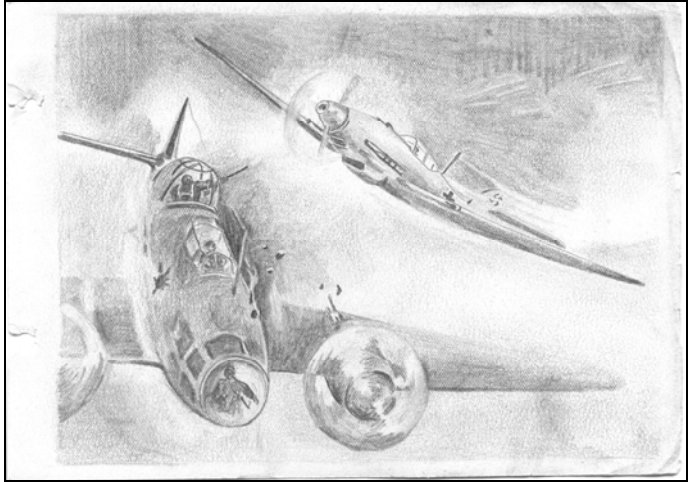
А там, на земле, обошлось без санбата,
Пинцетом почистил лицо санитар.
Остались занозы на память солдату, -
Их долго еще на гражданке таскал.

Однажды, когда самолет загорелся,
Тебя с парашютом земля приняла.
Спасибо судьбе, что тебя защитила.
За то, что тебя от огня сберегла.

А далее, так уж война приказала,
На танке, стрелком воевать продолжал.
Упорно войска продвигались на Запад,
К Берлину! К Победе! И враг отступал.

Уже на немецкой земле, под Глагау,
Немцы снарядом ваш танк подожгли.
А в танке был ранен механик-водитель,
Выбрались все вы, и друга спасли.

А про поединок в окопе с фашистом
Мальчишкам своим рассказать не хотел.
Случайной, мгновенной была эта встреча
И тоже случайно ты в ней уцелел.

«Встреча с Мессершмитом».

Рис. Ю.П.Карфидова, карандаш, 1943 г.

Тут получилось такое, как в сказке;
Фашистская пуля подмышкой прошла.
Солдатским ножом опрокинул фашиста.
Спасибо судьбе, что тебя сберегла.

А после три дня от еды воротило,
Не хочется даже о том вспоминать.
Да еще многое - всякое было
В жизни солдатской. Война есть война.

Сколько ребят не вернулось из боя,
Сколько друзей довелось хоронить!
Когда-нибудь разве забудешь такое?
Нет, не забудешь, пока будешь жить.

И наши потомки забыть не должны,
Тех, кто насмерть стоял за свободу страны.
По-прежнему в памяти часто мелькают,
Как кадры из фильма, картины войны.

*А.П.Карфидова,
п.Лиственничный
«Голос Конды», №51,
22 июня 2001 г.*

Как на Руси жить старикам?

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
на столбовой дороженьке
сошлись семь мужиков,
С поселка Лиственничного,
из Ягодного, с Дальнего,
с поселка Междуреченска,
из Леушинки, Леушей,
мужик из Луговой.
Сошлись, поздоровались,
о жизни посудачили,
зажгли по папирочке,
присели на колодинку,
присели и задумались,
как дальше будем жить?
Ан, глянь, идет Аринушка,
Арина – мать солдатская,
о чем-то призадумалась
и так ли пригорюнилась –
не видит мужиков.
– О чем грустишь, Аринушка?
– окликнули они, –
Скажи, развей кручинушку,
присядь и отдохни.
От слов мужицких ласковых
заплакала Аринушка
и выложила странникам
свою тоску-печаль:
– Совсем одна осталася,
во всем хозяйстве надо мне
управиться самой.
А годы накопилися,
и силы износилися,
не знаю, как мне быть.
Коль нету моей моченьки,
должна людей просить.
И есть же люди добрые,
помогут, не откажутся,
но как же им платить?

Привозят дров – бутылочка,
распилят их – бутылочка,
расколют – две да три.
А утром у ребятушек
головушки болят.
Им надо опохмелиться,
опять бутылки ставь.
За каждую бутылочку
отдай по 200 рубликов.
Какой тут хватит пенсии,
скажите, мужики?
Сидят, молчат, задумались –
Аринушка права.
Ну что тут посоветуешь?
И чем утетишишь старую?
Знакомая история.
У всех одна беда.
А тут из Междуреченска
мужик заговорил:
– Вчера часов в одиннадцать
к соседу я зашёл.
А он лежит с газеткою,
с постели не вставал.
– Ты что, Иван Иванович,
неужто захворал?
– Да нет, я здоровёхонек.
Штаны мои не высохли.
Старуха постирала их,
на солнышке висят.
Теперь не купишь новые.
«Донашивайте старое», –
нам власти говорят.
– А хлеб насущный, милые,
– сказал, вздохнувши горестно,
Степан из Леушей. –
За каждую буханочку
плати семнадцать рубликов,
А если хочешь белого,
то сорок два отдай.

Иван Фомич из Ягодного
тоже не смолчал:
— Моя жена учителем
трудилась сорок лет.
Нелегкий труд учительский
ценился очень дешёво.
Хотя за их старания
ведь тоже награждали же
значками и медалями,
да только минимальную
им пенсию дают.
А вот соседка Марьюшка
почти что не работала,
и стажа набралось у ней
едва-едва пять лет.
А тоже минимальная
назначена ей пенсия.
Так разве это правильно?
Ну что за уравниловка?
Какой такой закон?
Василий с Лиственничного
им начал объяснять:
— Всё по закону правильно,
в газете так и пишется.
Ну, вот, к примеру, —
Марьюшка,
уж коли не работала,
так значит, минимальную
без всяких проволочек
записывают ей.
А вот твоя учителька
с её зарплатой нищенской,
со стажем уважительным —
тут надо посчитать.
Считали, вычисляли,
делили, умножали —
и даже минимальную
никак не натянуть.
Подбросили немножечко,
и вышла минимальная,
учительница милая,
за все твои старания,

за твой великий труд.
— Да как же так, ребяташки?
Ведь при социализме-то
была сто тридцать пенсия,
и пенсия законная,
всей жизнью заработана,
не меньше, чем у всех.
— То при социализме,
теперь капитализм.
Теперь законы новые,
попробуй их понять.
— А если, люди добрые,
письмо Борису Ельцину
нам вместе написать? —
сказал Семен Семенович,
мужик из Луговой.
— Однажды он по «телику»
такие речи добрые,
слова такие теплые
про старых говорил.
Что тем, кто нашу Родину
на фронте защищал,
в тылу без сна и отдыха
трудом самоотверженным
победу приближал,
и кто послевоенное
хозяйство поднимал,
за всё, что ими сделано,
должны мы долг платить,
Надежда появилась:
авось теперь на старости
нас не отправят по миру,
и то, что нами сделано,
не могут позабыть.
Но кто-то возразил:
— Ты разве заявление,
чтоб милостыню подали,
в собес не отправлял?
Нет, позабыли старое,
обещано — не выполняют.
А у Бориса Ельцина
проблем — не расхлебать.

Петруха Леушинкинский
сказал с великой горечью:
– А с выходом на пенсию
ведь жизнь еще не кончена.
И отдыхом заслуженным
теперь ее зовут.
Неужто заслужили мы,
чтоб нас теперь лишили
того, что накопили мы
на свой последний путь.
Остались от сберкнижки
лишь корочки одни.
Такие-то, ребяташки,
теперь настали дни.
Сидят, понутив головы.
Такая жизнь нелегкая.

Её ни забастовками,
её ни голодовками
уж нам не изменить.
А если забастуем мы –
никто не среагирует.
От пенсии до пенсии
ты волен бастовать
и волен голодать.
На небе светит солнышко,
Идет-шагает времечко.
А цены поднимаются,
А старики все думают:
Как дальше будут жить?
Кто им проблемы эти
Поможет разрешить?

К редакции:

Прошу мое послание
Не очень корректировать.
С ошибками, нескладками,
со всеми недостатками
В газету поместить.
Авось, найдутся мудрые,
Что властью облеченные,
Пускай считают, думают,
Как жить на нашу пенсию,
Ответят мужикам.

*А. КАРФИДОВА,
учительница-пенсионерка,
п. Лиственничный
«Голос Конды», №103 (7518),
17 ноября 1992 г.*

Доходная статья

Государство развалилось,
Наш союз пошел в разлом.
Так у нас уж получилось –
Сын остался «за бугром».

Пишет сын из зарубежья
– Папа, мама, как дела?
Сообщайте как здоровье?
Как с картошкой, как с дровами?
Ведь зима не за горами.
В доме хватит ли тепла?

– Сын, спасибо за заботу,
Мы здоровые пока.
Только очень уж болеет
Наша экономика.

Цены рвутся ввысь куда-то,
А за ценами зарплата,
А за ними с батожком
Наша пенсия шажком.

И летит письмо обратно,
Семь копеек на борту,
Проплывает, пролетает
Пограничную черту.

А вверху экономисты
Всемышлёные сидят,
Посмотрели на конвертик:
– Вот доходная статья!

На билеты, туалеты
Цены подняты давно,
А теперь еще вот это
Заграничное письмо.

И подняли ему цену
До двенадцати рублей.
Покупай побольше марок,
На конверты клей да клей.

Что нам делать? Платим. Клеим.
С этой суммой на борту

Наши письма переходят
Пограничную черту.
И на нас экономисты
С удивлением глядят:
– Ты смотри-ка, платят, клеят...
А давай на шестьдесят!
Что нам делать? Снова платим
Шестьдесят да шесть рублей.
Только долго ходят письма,
Видно, стали тяжелей.
Ведь письмо на Украину
С этой суммой на борту
Еле-еле проползает
Пограничную черту.
– Постарайся, сын, почаще
Письма матери писать.
Для того чтобы скорее
Экономику поднять!

*А. КАРФИДОВА,
п. Лиственничный
«Голос Конды» № 92
16 ноября 1993 года*

Наши Смирновы

Легкой походкой идет по поселку,
Юношей издали кажется нам.
Ближе походит: Василий Евлампьевич –
Это далекой войны ветеран.

В.Е.Смирнов

Фото Карфидова В.Ю., 1968 г.

Мальчишкой из нашей сибирской деревни
Дошел до Берлина с пехотным полком.
Контузия – память от фронта – осталась,
Пути боевые дались нелегко.

Плакала мать, похоронку читала,
Но та похоронка ошибкой была.
Как жаль, что ошибок таких было мало,
Но Васю Смирнова судьба сберегла.

В годы войны, да и после Победы
Немало пришлось пережить, испытать.
Пусть позади остаются все беды,
Надо же новые зори встречать!

Вернулся. Женился. И дом свой построил,
И около дома он дуб посадил,
В колхозе кузнечное дело освоил
И этому делу всю жизнь посвятил.

Жена его тоже в колхозе трудилась,
Овощеводом известным была.
Характер упорный, прекрасных успехов
С бригадой своей добивалась она.

Два сына и дочка у наших Смирновых,
Не забывают родительский дом.
Жизнь продолжается. Снова и снова
С солнышком утро стучится в окно.

Внуки и правнуки крутятся рядом,
Радует молодость старых людей.
Вот уже пять поколений Смирновых
Топают по Лиственничной земле.

Годы идут. 50 пролетели,
Промчались как зимние вихри-метели.
Этот год у Смирновых такой непростой –
Нынче у них юбилей золотой.

Счастье деля пополам и недуги,
Все, что встречалось на долгом пути,
Так, опираясь на плечи друг друга,
Вместе по жизни полвека прошли.

Только с женою беда приключилась:
Соломки никто не успел подстелить.
Но комнатный транспорт ей служит исправно,
Она приловчилась стирать и варить.

Наши Смирновы не падают духом
И оптимизма им не занимать.
Дай Бог им здоровья на долгие годы,
Чтоб дольше им новые зори встречать!

2004 г.

Было и нам восемнадцать и двадцать

Было и нам восемнадцать и двадцать,
Были надежды и были мечты.
А вот теперь о былом вспоминанья,
Как будто на землю глядишь с высоты.

2007 г.

Олесе 25

Двадцать пять! Какая дата!
Было так и мне когда-то.
Но хочу я пожелать
Еще три раза по двадцать пять!

Встретятся в жизни бураны и вьюги,
Чего не бывает на долгом пути,
С Ильей, опираясь на плечи друг друга,
Эти препоны вдвоем обойти.

А все-таки солнышка больше
Желаю я в жизни твоей,
Здоровья, успехов в работе,
Хороших и верных друзей.

2008 г.

Или качаясь в тесных вагонах

Или качаясь в тесных вагонах,
Иль преодолевая небесную ширь,
Мои дорогие сыны ежегодно
Ко мне прилетают в родную Сибирь.

2009 г.

Школьные стихи

Ребята уходят на фронт

На запад, на запад, где рвутся снаряды,
На запад, где пули летят,
Идут батальоны, уходят отряды
Здоровых и смелых ребят.

Вот плачет мамаша, детей провожая.
Напрасно – мы скоро придем,
Мы скоро вернемся, не плачь, дорогая,
Мы знаем – врага разобьем.

1942 г.

Письмо на фронт

Над тобою летит самолет,
Пред тобою строчит пулемет,
Но шагаешь ты смело вперед,
Любимый мой, дорогой.

Ты пришел из сибирских лесов,
Чтобы бить ненавистных врагов,
А тебе лишь семнадцать годов.
Ты идешь на жестокий бой.

Из знакомых далеких мест
Через горы, поляны и лес
Под шатром голубых небес
Прилетит мое письмо.

И тогда о любви моей
И о счастье прошедших дней
Об успехах твоих друзей
Напомнит тебе оно.

1942 г.

В Токловане

В Токловане¹ на покосе
Выполняли мы свой план.
Бригадир мужик был славный,
Это Яковлев Степан.

1942 г.

Розе Сабитовой

Хотя не хороши прожитые дни,
Но жалко, когда улетают они.
За месяцем месяц – проходят года,
Течет наша юность, как в речке вода.

Потом с сожалением вспомним о ней,
И школьный период из жизни твоей.
И пусть этот маленький худенький стих
Тебе хоть немного напомнит о них.

Ты вспомни тогда Нахрачи, интернат,
И в том интернате 15 девчат.
Ты, милая Розочка, вспомни нас всех,
И слезы, и горе, и радость, и смех.

Ты в жизни своей встретишь много друзей,
Может быть, будешь жить веселей,
Встретишь счастье и радость, и даже тогда
Интернатскую жизнь вспоминая иногда.

Жизнь нас вместе свела, жизнь нас и разведет,
Золотая пора никогда не придет.
Скоро-скоро расстанемся, Роза, с тобой,
Счастья в жизни тебе я желаю душой.

1942 г.

¹ Деревушка, располагавшаяся выше по течению Конды.

Зое Калининой

Прими мой стих, хоть он ничтожен,
Но сложен он моим трудом.
Когда-нибудь и он, быть может,
Тебе напомнит о былом.

Опять лежишь ты на кровати,
Тебе не хочется вставать.
Прекрасный день. И так некстати
Сегодня, милая, лежать.

Довольно, Зоя, встань, оденься,
Походим берегом реки,
Посмотрим, как с веселой песней
Снимают сети рыбаки.

Как светит солнце над рекою,
А на песке за нами тень
Проводим вместе мы с тобою,
Наверно, уж последний день.

В последний раз ведем с тобою
Наш душевный разговор.
Так никогда, наверно, Зоя,
Не говорить нам с этих пор.

За часом час и день промчится,
Уходит время, как вода.
Придется завтра нам проститься,
Быть может, Зоя, навсегда.

Друг другу счастья пожелаем,
Друг другу руки подадим.
Не знаем, что нас ожидает,
Что мы увидим впереди.

А завтра в новой обстановке
Нам жизнь свой приговор прочтет,
Всяк с свойственной ему сноровкой
Свой образ жизни поведет.

И если будешь, дорогая,
Ты где-то в дальней стороне,
После работы, отдыхая,
Быть может, вспомнишь обо мне.

28.05.1942 г.

Апрельский вечер

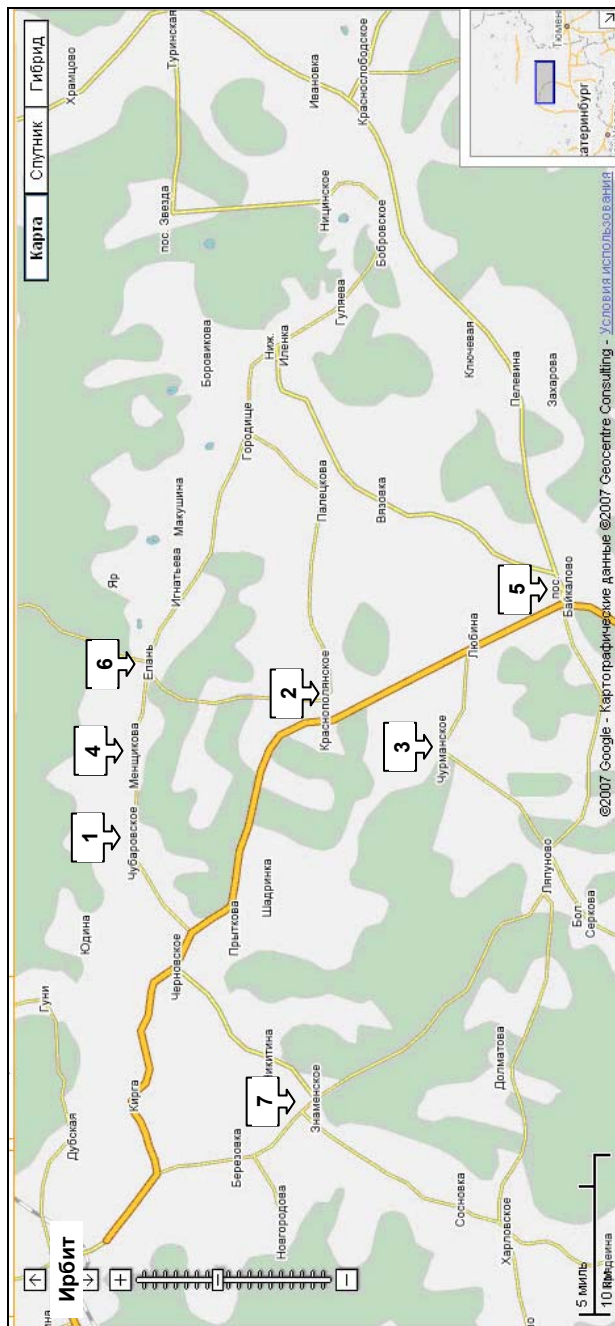
Хоть я солнцу весеннему рада,
Уходящую зиму мне жаль.
Мне весна принесла не отраду,
А гнетущую сердце печаль.
 Знаю, в этой борьбе между ними
 Безусловно, весна победит,
 У одних она радость отнимет,
 А другим счастьем путь осветит.
И смеется весна над зимою
Ярким блеском весеннего дня.
Плачь, зима! Я поплачу с тобою,
Грусть, печаль на душе у меня.
 Солнце светит, ручьи зажурчали,
 О, зима, это слезы твои.
 Для меня же причина печали,
 Зажигающей чувство любви.
Словно камень тяжелый, жестокий
На тоскующем сердце лежит.
Это чувство любви одинокой
Заставляет страдать и грустить.
 Разрывается сердце, рыдает,
 Хочет вырваться вон из груди –
 Почему я так сильно страдаю
 И не вижу конца впереди?
Ни слезам, ни душевным страданьям,
Разорвать бы теперь мою грудь,
В час тяжелого переживания
На горящее сердце взглянуть.
 Прилети же ты, ветер весенний,
 Разгони мою скорбную грусть
 Освежи мою грудь на мгновенье,
 Дай всей грудью свободно вздохнуть.
Знаю я, бесполезны страданья,
Счастья луч не блеснет надо мной,
И тревожные сердца рыданья
Лишь напрасно уносят покой.

19.04.1943 г.

Карфидов В.Ю.

Истории из истории

Послесловие

1. До 1924 г. – Ирбитский уезд Пермской губернии
2. С 1924 г. – Байкаловский, Еланский, Знаменский районы Ирбитского округа Уральской области
3. С 1929 г. – Краснополянскй район Ирбитского округа Уральской области
4. С 1934 г. – Байкаловский, Еланский, Знаменский районы Свердловской области

1. История с демографией

По маминым воспоминаниям, семья Черепановых в начале XX века проживала в селе Чубарова (или Чубарово, ныне – Чубаровское), указанном на карте стрелкой 1. Это близ города Ирбит, который на карте находится в верхнем левом углу, закрытый четырьмя стрелками. До 1924 года эта местность являлась частью *Ирбитского уезда Пермской губернии*.

После того, как Михаилу Антоновичу по Столыпинской реформе был выделен надел земли, Черепановы переехали на новое место жительства, для чего там пришлось построить хутор. Хутор получил название Лукиново, что связано, видимо, с бытовавшим ранее названием этого места. Еще его называли Лукино, или, вернее, Лукина, так как в Ирбитском уезде названия многих деревень до сих пор имеют окончания «а», а не «о». Точное месторасположение хутора не известно, но он был в пределах километра от села Краснополянское (стрелка 2 на карте).

Семья Черепановых состояла из следующих известных нам лиц:

1. Антон Михайлович, примерно 1850 г. рожд.
2. Его сын Михаил Антонович, 1877 г. рожд.
3. Жена Михаила Лукерья Степановна, 1873 г. рожд.
4. В 1905 году родился Павел – сын Михаила и Лукерьи.

Родная сестра Михаила Антоновича, Александра Антоновна, жила с мужем Данилой Платоновичем в селе Чурманском (стрелка 3 на карте).

В 1916 году у Михаила и Лукерьи родилась дочь Анна.

В 1922 году 17-летний Павел Михайлович женился. Его женой стала Мария Дмитриевна Кайгородова, которая была на 2 года старше Павла.

Кайгородовы жили в деревне Менщикова (стрелка 4 на карте), и были бедняками. Родителями Марии были Дмитрий Никитич и Анна Петровна, в девичестве – Лалетина. Кроме Марии, у Кайгородовых были еще дети: Ирина, Евдокия, Семен и Алексей. С ними же жила мать Анны – Варвара Степановна. Своего тестя Дмитрия Никитича Павел Михайлович перевез жить к себе в Лиственничный в начале 1960-х годов.

В 1923 году у Марии и Павла родился первенец – девочка, которую назвали Анной.

Жители хутора Лукиново. 1928 (?) г.

Слева направо:

стоят: Павел Михайлович, Семен, Антон Михайлович,
Михаил Антонович, сестра Марии (жены Семена);
перед Павлом Михайловичем стоит: Василий Михайлович;
сидят: Мария Дмитриевна, Мария (жена Семена),
Анна Михайловна.

В 1924 году родилась Ангелина.

В 1925 году родился Николай.

В 1927 году умерла Анна.

В 1928 году родилась Тамара.

В конце 1929-го родилась девочка, которую называли тоже Анной.

Антон Михайлович умер в 1928 или 1929 году.

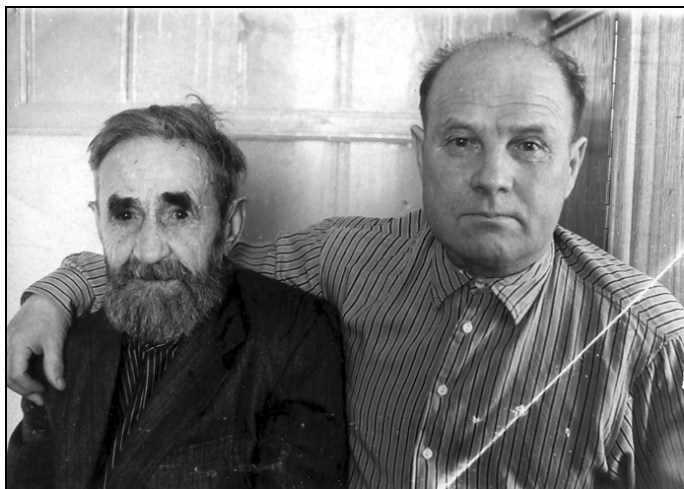
Кроме Черепановых, на хуторе к этому времени в небольшом доме проживала сестра Лукерьи Аграфена (Агриппина?) с сыном Семеном. Вторая сестра Лукерьи, имя которой восстановить

не удалось, умерла. У нее остался сын Василий 1918 г. рождения. Михаил усыновил племянника и дал ему свое отчество и фамилию.

Таким образом, семья Черепановых, проживавшая на хуторе Лукиново, к началу 1930 года состояла из 10 человек:

1. Михаил Антонович
2. Лукерья Степановна
3. Павел Михайлович
4. Анна Михайловна
5. Василий Михайлович
6. Мария Дмитриевна
7. Ангелина
8. Николай
9. Тамара
10. Анна

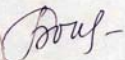
В 1924 году в результате административной реформы адрес хутора стал звучать так: *д. Лукиново Байкаловского района Ирбитского округа Уральской области*. Кроме Байкаловского, в интересующей нас части Ирбитского округа были также Еланский и Знаменский районы (Байкалово, Елань и Знаменское помечены на карте стрелками 5, 6 и 7). Села Чубарова и Менщикова входили в Еланский район.

Кайгородов Дмитрий Никитич с зятем Павлом Михайловичем.
Фото Карфидова В.Ю., 1965 г.

2. История с реабилитацией

Черепанов Михаил Антонович Постановлением № 1 от 20 января 1930 года был занесен в списки кулаков по **Краснополянскому** району под № 103, затем был арестован. Постановлением какого органа? Работники архива не удосужились сообщить, но из справок по реабилитации удается понять, что это было Постановление райисполкома, только почему-то **Еланского**.

Российская Федерация Управление архивами Свердловской области ФИЛИАЛ Государственного архива Свердловской области в г. Ирбите	Тюменская обл. Кондинский р-он п. Лиственничны Карфидово А. П.
« I » <u>07</u> — 19 <u>30</u> г. № <u>17 II</u>	
622000, г. Иrbит, ул. Красномаршальская, 3, тел. 2.35-80	
АРХИВНАЯ ВПИСКА на № СПИСОК КУЛАЦКИХ СЕМЕЙ ВЫСЕЛЕННЫХ ИЗ КРАСНОПОЛЯНСКОГО РАЙОНА ИРБИТСКОГО ОКРУГА.	
д. Ясная Поляна 103. Черепанов Михаил Антонович, 54 года жена Лукерья Степановна, 50 лет сын Павел 23 г., сын Василий 14 л. дочь Анна 15 л.	
Имущественное положение в прошлом и сейчас:	в прошлом помещик, сейчас кулак.
Характеристика:	вёл ^{анти} советскую и антиколхозную агитацию Сопrotивлялся во всех советских меропри- ятиях.
На основании каких документов:	Постановление № 1 от 20.01.30г Содержание под стражей в Ирбитском ИТД до выселения.
ОСНОВАНИЕ: ф183, оп2, д15, л25.	
Директор филиала исп. Волкова.	Г. В. Боталова.
	
г. Иrbит, типографич. 24 03 93 г. зак. 2219, тир. 2000	

В марте 1930 года, в соответствии с Постановлением семья Черепанова Михаила Антоновича была вывезена в Кондинский район. Вывезли 8 человек, хотя в списке указано только 5 человек. Сам Михаил Антонович содержался в это время под стражей в Ирбите, а сын Павел был отправлен на лесозаготовки.

В списке отсутствовали жена Павла Мария Дмитриевна и их дети. По этой причине уже в 90-е годы органы внутренних дел

п. Лиственичный
Карфицовой А.П.

КОПИЯ

МВД
Российской Федерации
УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Свердловской области

Председатель Комиссии
по восстановлению прав
реабилитированных
Гусеву В.В.
626300, Тюменская обл.,
пос. Кондинский, Кирова, 7.

И Д

620022, Екатеринбург, пр. Ленина, 17
30.03.1993 № 5/5-1271

На Ваш № 186 от 10.02.93г. о реабилитации семьи Черепановых, выслала справки о реабилитации Черепанова М.А., Черепанова П.М., также реабилитированы Черепанова Л.С., Черепанов В.М., Черепанова А.М..

Документы выданы на основании архивной справки № 685 от 10.03.93г. Ирбитского филиала ГАСО - выписка из протокола № 16 заседания Президиума Краснополюнского РК: п. 103- ф. 183.о.2, дело 15, л.л. 1,26.

В связи с тем, что Черепанова М.Л., Черепанов Н.П. и Карфицова Черепанова/ А.П. в документе не упомянуты, выдать им справки о реабилитации не представляется возможным.

Однако, в соответствии со ст. 7 Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.10.91 г. факт раскулачивания /в отношении Карфицовой А.П./ может быть подтвержден на основании свидетельских показаний в судебном порядке по месту жительства заявителями. При положительном решении вопроса в суде Карфицова А.П. может обратиться к нам за получением справки о реабилитации.

Начальник отдела реабилитации
ИД УВД Свердловской области

исп. Борзунова

Д.В. Боровиков

ИД УВД
Исполнительный комитет
Кондинского районного
Собрания народных депутатов
Хмельного сельского
муниципального округа
Тюменской области
Кондинский районный
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
12-04-000010/31
Р.С. С.С. Комиссия

Копия верна.

Заврайгосархивом: Шотникова Т.В.

пытались не признавать репрессированными отсутствующих в списке, в частности и маму. Им потребовались свидетельские показания, что пятилетняя девочка действительно была вывезена со всей семьей в тайгу, а не благоденствовала до 16 лет где-то там под Ирбитом. Можно подумать, что органы НКВД не составляли списки действительно доставленных на спецпоселение.

Только мамина настойчивость позволила ей после

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

«24» августа _____ 19 93. г. Екатеринбург

Гр. Карфидова (Черепанова) Ангелина Павловна

Год и место рождения 1924 фамилия, имя, отчество д.Лукиново
Байкаловского района Свердловской области

Место жительства до применения репрессии д.Лукиново
Байкаловского района Свердловской области

Когда и каким органом репрессирована в марте 1930 г. по
постановлению Еланского РИК выслана в составе
раскулаченной семьи в Кондинский район
Тюменской области

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке признана социально опасной по
классовому признаку

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года
«О реабилитации жертв политических репрессий»

гр-н (ка) Карфидова (Черепанова) Ангелина Павловна
фамилия, имя, отчество

РЕАБИЛИТИРОВАНА

Н Начальник УВД Свердловской области *В.К.Демин*
М. П.

21.04.93 г. № 10000 звк. 612

бюрократической переписки получить-таки от органов внутренних дел справку о реабилитации.

Из справок мы узнаем, что, несмотря на отсутствие детей в списке раскулачиваемых, их все равно вывозили в глухую Сибирь, как «социально опасных»! Ангелина – 5 лет, ее брат Николай – 4 года, сестры Тамара, полутора лет, и трехмесячная Аннушка. «Социально опасные» – то есть, опасные для общества! Вот такое было общество, которое боялось детей!

Но и то, оказывается, если верить их бумагам, мама была на спецпоселении всего несколько месяцев – с 1940 по 31 января 1941 года!

СПРАВКА
о сроках пребывания под надзором с ограничением прав и свобод

«24 августа 1993 г. г. Екатеринбург

Выдана Карфидовой (Черепановой) Ангелине Павловне в том, что
фамилия, имя, отчество

г-н (ка) Карфидова (Черепанова) Ангелина Павловна 1924 г.р.
фамилия, имя, отчество, г. р.

находилась (ласе) в ссылке на спецпоселении в Кондинском районе
наименование места привкулачения

Тюменской области

с « » 1940 г. по 31 января 1941 г.

Справка составлена по архивным материалам архивного дела № 4079 ИЦ УВД

Тюменской области

Начальник информационного центра
УВД Свердловской области

Д. А. Ветров
21.01.03 деп. 10000 экз. 613

С 1940-го – видимо, потому, что 26 ноября этого года ей исполнилось 16 лет. До этого она не была ссыльной? А в 16 лет стала – без всяких решений и постановлений. Вот 2 месяца и 4 дня она была в ссылке. Почему 31 января 1941 года она вдруг перестала быть ссыльной – могут знать только органы внутренних дел. Ей об этом не сообщали.

А до 16 лет и после 31 января 1941 года она жила в месте спецпереселения, видимо, по собственной воле. Советская власть и органы НКВД тут, само собой, ни при чем!

3. История с географией

Из архивной выписки следует, что Черепанов М.А. со своей семьей считался проживающим в *деревне Ясная Поляна Краснополянского района* Ирбитского округа. Ну, откуда взялся Краснополянский район вместо Байкаловского – нетрудно понять. Дело в том, что Краснополянский район с центром в селе Краснополянское был создан в октябре 1929 года путем слияния трех районов – Байкаловского, Еланского и Знаменского. Это было связано с созданием колхоза «Гигант», объединившим в себе несколько десятков колхозов, коммун и артелей, расположенных на территории этих трех районов.

Но почему деревня – Ясная Поляна, а не Лукиново? На этот вопрос ответа не удалось найти. Как далее будет показано, деревню Ясная Поляна и позднее путали с Лукиново.

Справки о реабилитации, выданные в 1993 году УВД Свердловской области, утверждают, что место жительства членов семьи Черепанова М.А. «до применения репрессии» – деревня Лукиново *Байкаловского района Свердловской области*. Но Свердловская область была образована только в 1934 году, тогда же был ликвидирован Краснополянский район. На самом деле семья Черепанова М.А. на момент «применения репрессии» проживала в деревне Лукиново *Краснополянского района Ирбитского округа Уральской области*. С другой стороны, одна из справок утверждает, например, что Мария Дмитриевна Черепанова родилась тоже в Свердловской области!

Отсюда вытекает такой вывод: справки, выданные в 1993 году, указывают на административно-территориальную принадлежность деревни Лукиново на момент выдачи справок – на 1993 год, а не на 1930 год.

В мамином Свидетельстве о рождении указано, что она родилась 26 ноября 1924 года в деревне *Букиново Краснополянского района Свердловской обл.*

Однако, как известно, Краснополянский район существовал только с октября 1929 года по 1934 год, а Свердловская область была образована только в 1934 году, до этого Ирбитский округ был частью Уральской области.

Откуда же в Свидетельстве о рождении появилась запись о *Свердловской области, Краснополянском районе и деревне Букиново* – вместо *Лукиново Байкаловского района Ирбитского округа Уральской области*?

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНЯЙТЕСЬ!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

ВАСКОМУ ВМ. № 103/1000

ПАСПОРТНЫЙ ЛИСТ
И. Завискин Г. О. Завискин
Серия М. Ам. 870287
Дом. 15. № 11 1004
Лич. пасп. сто. 12

№ 187525

Гр. *Серебрякова*

родился (аась) *26/11/1929 г. в тысяче деревеньке Букиново*
Свердловской области

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении за 1929 год
"26" числа *ноября* месяца произведена соответствующая запись, № *188/н*

Родители
Отец *Серебряков Иван Михайлович*
Мать *Серебрякова Мария Яковлевна*

Место рождения ребенка
с/р. д. Букиново Краснополянского района Свердловской области

Место регистрации *Букиновский район Краснополянского района*

М. П.

Новый отдел ЗАГС
Деп. тр. зав. отделом

Ответ на этот вопрос можно попытаться найти, если проанализировать, когда и где было выписано это Свидетельство (мама не помнит, в каком году она его получила).

На Свидетельстве стоит печать УВД *Кондинского* района *Омской* области – а Кондинский район входил в состав Омской области только с **1934 по 1944 год**. В 1944 году была образована Тюменская область, частью которой стал Кондинский район.

Таким образом, это Свидетельство выписано в Кондинском районе, причем не ранее 1934 года и не позднее 1944 года. Так как Краснополянский район в 1934 же году был расформирован,

однозначно остается одно – Свидетельство о рождении было выдано в 1934 году.

Можно предположить, что для выписки Свидетельства о рождении из районного центра по месту проживания (с. Нахрачи, ныне с. Кондинское) был сделан телефонный запрос в Чубаровский сельсовет, откуда сообщили адрес деревни на текущий момент – Краснополянский район, Свердловская область. Почему по телефону? А потому, что это объясняет превращение Лукиново в Букиново. Хотя запрос мог быть и письменным, а телефонное искажение могло произойти в переговорах где-то в Ирбитском округе.

В 1946 году мамы сестры, Тамара и Анна, получили Свидетельства о рождении, для чего Тамара ездила в Чубарово. На Свидетельствах стоит печать Еланского района Свердловской области, и так и написано в данных о месте рождения: **Еланский район, Свердловская область**. Вот только деревня, где они якобы родились, указана другая – **Ясная Поляна!**

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ № 057708

Гр. *Черепанова*
Анна Павловна
(фамилия, имя и отчество)

родилась (дочь) *16 ноября 1929 году* *Тысяча*
девяносты девятый *двадцать девятый* *год*
(число и цифрой год, месяц и число)

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении за 19 *29* год *80*
ноябрь месяца *19* числа произведена соответствующая запись за № *64*

Душеприказчик { отец *Черепанов Павел Михайлович*
(фамилия, имя и отчество)
мать *Черепанова Мария Дмитриевна*
(фамилия, имя и отчество)

Место рождения ребенка { город, район *Еланский* республика, край *Свердловская*
(фамилия, имя и отчество)
селение *Ясная Поляна* область *Чубаровский*

Место регистрации *Чубаровский*

Заведующий бюро ЗАГС *Курт*
Делопроизводитель

16. августа 1946.

Вспомним, что в архивной выписке из «Списка кулацких семей», полученной в 1993 году из Ирбитского архива, также указано, что Черепанов Михаил Антонович выселялся из деревни **Ясная Поляна!**

Так что же такое деревня Ясная Поляна? Может быть, хутор Лукиново административно был приписан к деревне Ясная Поляна? Так нет, не должно такого быть, потому что из Свидетельств о рождении Тамары и Анны следует, что **Ясная Поляна** находилась

в **Еланском** районе (вновь восстановленном в 1934 году), близ Чубарово (потому что место регистрации – Чубаровский сельсовет), тогда как **Лукиново** однозначно было в **Байкаловском** районе!

Получается, что сестры родились не только в разных деревнях, но и в разных районах!?

Однако, мамина память не сохранила какого-либо объяснения этой загадки.

С другой стороны, в мамином Свидетельстве о рождении тоже написано, что место регистрации – Чубаровский сельсовет. Почему, ведь Чубарово находится и находилось в Еланском районе, а Лукиново – в Байкаловском?

Конечно, можно предположить, что хотя Михаил Антонович получил отруб в Байкаловском районе и переехал туда из Чубарово, он вместе с семьей продолжал числиться по старому месту жительства (по месту прописки, как сказали бы позже). И всех детей продолжали крестить (и регистрировать) в Чубарово, поэтому и записи велись в Чубарово. Но тогда следует сделать вывод, что первоначально Черепановы жили не в самом селе Чубарово, а рядом, в деревне Ясная Поляна, где церкви не было¹.

К сожалению, не осталось в живых никого из «спец-переселенцев» Черепановых, кто мог бы пролить свет на эту историю с географией.

Найти деревню Ясная Поляна на современных картах Свердловской области не удастся. Скорее всего, деревня давно исчезла, как много их исчезло за последние десятилетия.

Как бы то ни было, Справки о реабилитации однозначно указывают, что все они (Ангелина, Николай, Тамара, Анна) родились и жили на хуторе Лукиново Байкаловского района. Думаю, органам НКВД-МВД в этом вопросе можно верить больше, чем работникам сельсоветов. Да и мама всегда помнила, что говорили «Лукиново», а вот как стало в Свидетельстве о рождении «Букиново», она не знает.

Ну, а я-то хорош - 40 лет пишу в анкетах неправду о месте рождения матери: Букиново!

*В.Карфидов
2009-2010 г.г.*

¹ По принятым в России правилам, селом называлось поселение, где была церковь, а деревней – где церкви не было.

Постскриптум.

Уже после завершения редактирования и верстки этой книги стала известна другая версия происхождения названия «Ясная Поляна», высказанная уроженцем тех мест, и не так давно переехавшим в Кондинский район. Его версия заключается в том, что село Краснополянское образовалось из двух деревень, стоящих на разных берегах реки. Одна из деревень называлась, по этой версии, «Красная Поляна», а другая – «Ясная Поляна». Это многое могло бы объяснить, но не все. Так, если принять эту версию, то все равно остается загадкой, при чем здесь Чубаровский сельсовет, если Лукиново – а, значит, и Ясная-Красная Поляна, находившаяся в километре от Лукиново, – находились в Байкаловском районе (смотри справку о реабилитации), а Чубарово – в Еланском?